АНАТОЛИЙ ВАРШАВСКИЙ

ОПЕРЕДИВШИЙ ВРЕМЯ

OZON.ru

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Четверть часа длится совещание суда. Всего четверть часа! Бывшего лорд-канцлера английского короля Генриха VIII Томаса Мора признают виновным в государственной измене. И приговаривают к мучительной казни. Но даже это не может поколебать автора знаменитой "Утопии", мыслителя, опередившего свой век, основателя утопического социализма.

Подвигу его жизни и посвящена эта книга.

- ГЛАВА ПЕРВАЯ
- ГЛАВА ВТОРАЯ
- ГЛАВА ТРЕТЬЯ
- ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
- ГЛАВА ПЯТАЯ
- ГЛАВА ШЕСТАЯ
- ГЛАВА СЕДЬМАЯ
- ГЛАВА ВОСЬМАЯ
- ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
- ГЛАВА ДЕСЯТАЯ
- ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ
- ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ
- ПОСЛЕСЛОВИЕ
- notes
  - 1
  - 2

ГЛАВА ПЕРВАЯ

в которой рассказывается о том, как ушел с поста канцлера сэр Томас Мор, и о некоторых событиях, происшедших в царствование короля Генриха VII английского

1

Итак, все было позади. Оставалась лишь маленькая формальность: сказать обо всем случившемся жене.

Обычно, когда он выходил из дворца и шел домой, его супруге об этом спешил сообщить слуга. Так полагалось, и кем-то издавна заведенный порядок не должен был нарушаться.

День только начинался, жена была в церкви и — так тоже полагалось — восседала на почетной скамье.

Мор спокойно дождался конца службы.

Потом, подойдя к жене, поклонился ей и сказал:

— Господин канцлер ушел.

Слова эти каждый день говорил слуга.

— Я это и так вижу, — ответила жена, еще не понимая толком, в чем дело. — Но почему вы решили мне сообщить это сами?

— Потому, — ответил Мор, — что я ушел совсем. В Англии будет новый канцлер. А вам, увы, больше не придется восседать на почетной скамье. Теперь я частное лицо, всего-навсего частное лицо.

2

Частное лицо? Уж чем-чем, а кротостью супруга Мора не отличалась. Для нее случившееся — крушение, крушение надежд, конец воздаваемых ей, как жене лорд-канцлера, почестям. И дома на все доводы мужа она отвечает одно: «Эго несерьезно. Чем вы собираетесь заниматься теперь? Сидеть у камина и рисовать узоры на золе?»

Где-то в глубине души она человек добрый. Но поступать так, как сделал ее муж? Непостижимо. Не лишенная того, что во все времена именовалось так называемым здравым смыслом, она бросает ему в лицо: «Добровольно оставить руль управления? Разве вы не знаете, что лучше управлять, чем быть управляемым!

Ах если бы я была мужчиной!»

Мор улыбается. Ну конечно, сейчас она начнет говорить, что из-за своей лени, из-за своих удовольствий он готов и семью по миру пустить. Это будет, конечно преувеличением. Но то, что он теперь вынужден будет жить на доход всего в сто фунтов стерлингов в год, верно. Как верно и то, что придется уменьшить и без того небольшое число слуг. И вообще призадуматься над расходами.

Впрочем, какое в конце концов все это имеет значение? Голодная смерть уж, во всяком случае, ни ему ни его обширной семье не угрожает. Это — нет.

И чтобы переменить тему разговора, он внезапно говорит:

— Жена, вы сегодня как-то странно выглядите.

— Правда? — несколько испуганно спрашивает она. — Почему мне ничего не сказали дочери?

Мор смеется. Обращаясь к детям, он говорит:

— Да нет, ничего особенного. Просто не кажется ли вам, дети, что сегодня у нашей мамы чуть-чуть задран нос?

Шутка немного грубовата. Но, как ни странно, леди Мор несколько успокаивается.

Поворчав еще немного, она удаляется в свою комнату.

— Я буду удить рыбу в Темзе! — кричит ей вдогонку Мор. — Готовьте большую сковородку!

1532 год. Англия. Двадцать третий год правления короля Генриха VIII Тюдора.

3

Томасу Мору было двадцать лет, когда он впервые встретился с Генрихом — в ту пору девятилетним мальчиком.

А дело было так. В Англию по приглашению лорда Монтжоя, одного из своих почитателей, приехал Эразм Роттердамский. Еще впереди те времена, когда чуть ли не все государи Европы будут наперебой звать его к своим дворам, когда пять университетов сразу предложат ему преподавать в их стенах, когда его книги будет читать вся грамотная Европа. Но все же глашатай гуманизма уже достаточно известен. И вот он на званом обеде у лорда — мэра Лондона. Среди пышно разодетых гостей внимание Эразма привлекает молодой человек в черной, безо всяких украшений, скромной одежде.

Завязывается беседа. Она ведется столь оживленно, юноша так начитан, находчив и умен, так блестяще говорит по-латыни, что в какой-то момент Эразма осеняет (ему уже рассказывали об

очень способном студенте, сыне местного судьи). Прервав очередную тираду чуть ли не на полуслове, Эразм восклицает: «Вы можете быть только Мором!» В тон ему юноша шутливо отвечает: «Конечно. Но и вы, разумеется, или Эразм, или сам дьявол».

Знакомство быстро перерастает в дружбу. Совместные прогулки, беседы: им есть о чем потолковать, людям, влюбленным в древние языки и древнюю литературу. Как и другие гуманисты, они верят в добродетель и достоинство человека.

Однажды утром Томас Мор предлагает Эразму (они оба гостили в загородном замке лорда Монтжоя) пойти в соседнюю деревушку. Там находился старинный королевский дворец, знаменитый дворец Элтхем.

…Каменный мост, перекинутый через ров. Прямо напротив моста — тяжелый каменный проем входного портика. Стены, заросшие диким виноградом, высокие стрельчатые окна.

Друзья в зале. «В зале, — напишет Эразм, — в котором не раз в прошлом делалась истории Англии».

К своему удивлению, Эразм видит, что здесь его ждали. Посредине стоял принц Генрих, рядом с ним улыбающийся Монтжой. В зале были и сестры Генриха.

Впрочем, Эразму уже все ясно: Монтжой хочет в непринужденной обстановке познакомить его и Мора с детьми короля.

Мор преподносит Генриху (наследник престола принц Артур вместе с отцом в Лондоне) небольшое стихотворение. Генрих просит и Эразма написать ему несколько строк.

За три дня Эразм сочиняет поэму в честь короля Генриха VII, его детей и его страны. И пересылает ее юному принцу.

Относительно страны он не кривит душой. Ему и в самом деле нравится Англия. *«Ты спрашиваешь,* — напишет он в это время одному приятелю, *— люблю ли я Англию? Так вот, если ты привык верить моим словам, то поверь мне, пожалуйста, и в нижеследующем: мне еще нигде не было столь хорошо. Я нашел здесь приятный и здоровый климат. Я увидел бездну учености и культуры, и не внешней, не поверхностной, а глубокой и основательной… Когда я слышу моего друга Колета, мне кажется, что передо мной сам Платон. Могут ли быть более острыми, глубокими и деликатными суждения, чем мысли, высказываемые Линакром? Создавала ли природа когда-либо что-либо более светлое, доступ-нос любви, более счастливое, чем гений Томаса Мора? Это просто диво, как распространена и пышно цветет древняя ученость в этой стране».*

Каждый судит по-своему. Эразм — так.

Знания, культура, книги, тесный кружок единомышленников — это вполне отвечает его духовным интересам. И потом: что для него Англия? Так же, как в Испании, Франции, Германии, — десяток-другой людей, с которыми он может вести отточенный разговор; несколько необходимых для работы библиотек…

Гуманистов горстка. И далеко не все они смотрят вперед. Впрочем, начало нового века для них все же снизано со многими надеждами. И Мора, и Линакра, и Эразма радует уже одно то обстоятельство, что в Англии нет войны.

4

Нет, во всяком случае, открытой войны. Вот уже без малого пятнадцать лет на английском троне король новой династии — Генрих VII Тюдор. Корону он завоевал на поле битвы в Босворте, одержав победу над Ричардом III. Более четверти века длилась ожесточенная борьба за власть между двумя враждующими феодальными группировками Йорков и Ланкастеров, Алой и Белой розой. Опустошительные набеги, бесконечная смена правителей… В окрашенных кровью снегах Тоутона в свое время насчитали 28 тысяч убитых. Но подобных сражений было не менее пяти-шести, не говоря уже о более мелких, а всего-то в стране в те годы насчитывалось около трех миллионов жителей.

Подобно Людовику XI французскому, Максимилиану Габсбургу — императору «Священной римской империи германской нации», подобно итальянцу Козимо Медичи и другим удачливым основателям новых европейских династий и собирателям земель, Генрих VII принадлежит к новому типу монархов — достаточно ловких, чтобы не всегда идти напрямик, достаточно умных, чтобы никогда не лезть на рожон, и в то же время железно расчетливых в достижении цели.

Именно Генрих VII догадался жениться на наследнице Йорков Елизавете и добавить в свой герб и Белую розу. И тем самым сделал решительный шаг к упрочению своей власти.

Но вскоре ему все-таки пришлось вновь выступить в поход. Дело очередных претендентов на престол, уверявших, что они принцы из дома Йорков, оказалось довольно быстро проигранным.

А Генрих и тут сумел показать изворотливость и государственный ум. Разбив противников, он не стал подряд вешать всех участвовавших в войне против него, а, наоборот, отнесся к побежденным милостиво. Милость эта, правда, известна

была уже издавна: с незапамятных времен все разбойники с большой дороги, наставляя на путника пистолет или подбираясь к нему с ножом, требовали кошелек или жизнь. Генрих рассудил, что в данном случае ему выгодней получить кошелек. И все участвовавшие в восстании монастыри, города и деревни были обложены данью.

5

Растут поборы, подати. Растет число бедняков, нищих — уже начинается в Англии тот социальный процесс, который позже войдет в историю под названием огораживания: многие крестьяне лишаются своих наделов. Распускаются специальным декретом и все частные поенные дружины. Постепенно Генрих добивается все большей власти в стране и использует ее для того, чтобы набить свои сундуки золотом.

Начав царствование весь в долгах, он путем конфискации и налогов становится настолько богат, что может даже ссужать — когда ему выгодно — деньгами других венценосцев. И за какие проценты!

Проходит в конце концов не так уж много времени, и европейские владыки, которые еще сравнительно недавно со дня на день ожидали его падения, вынуждены признать, что у короля Генриха VII достаточно твердое положение в собственной стране. И что с маленькой островной монархией необходимо считаться.

6

У английского монарха честолюбивые планы: усилить роль и влияние Англии в Европе. Такова, по его мнению, одна из первостепенных задач.

Это, однако, не так просто.

Вот Франция, которая значительно окрепла во времена Людовика XI, действовавшего примерно теми же методами, что и Генрих VII. И хотя некоторые ее земли еще со времен Столетней войны по-прежнему принадлежат Англии, соперник этот достаточно сильный.

Вот Испания: за какие-нибудь тридцать-сорок лет из немощной, находившейся под чужеземным игом страны она превращается в объединенное королевство Арагонд и Кастилию.

Европейские монархи, и прежде всего французские, еще по привычке видят в разбойничьих войнах на итальянской земле

одно из важных средств обогащения и усиления своей власти. Словно магнит, притягивает эта богатая, но лишенная единой власти страна их алчные взоры.

Да, многое в политических расчетах идет еще по инерции старых феодальных времен.

7

А новое, вот оно, уже на пороге.

Появляется доменная печь. Используются простейшие виды токарных, сверлильных и шлифовальных станков. Появляются самопрялки и сукновальные мельницы, усовершенствован компас. С каждым годом городские ремесленники производят все больше товаров.

И примерно в то же самое время, когда Эразм и Мор посетили в Элтхеме детей Генриха VII, король Мануэль Португальский, торжествуя, писал из Лиссабона: *«Мы узнали, что наши капитаны открыли Индию и другие граничащие с ней королевства и владения; что они объездили тамошние моря и большие города, видели большие здания и мощные реки, убедились, что страны эти плотно населены и ведут широкую торговлю пряностями и драгоценными камнями, которые на кораблях привозят в Мекку, а оттуда в Каир, из коего они распространяются по всему свету. Мы уповаем, что с божьей помощью сумеем перенаправить эту большую торговлю в сторону нашего королевства и тем самым обеспечить все христианское население этой части Европы в достаточной мере и пряностями и драгоценными камнями».*

Такие же перспективы скоро откроются и перед Испанией.

Пройдет еще немного времени, и из уст в уста будут передаваться рассказы об Эльдорадо, стране, где золото встречается чуть ли не на каждом шагу.

Словно снежная лавина ширится открытие новых земель.

Экономические последствия этих открытий будут огромны. Торговля, промышленное производство, мореплавание чуть ли не всей Западной Европы испытают на себе колоссальное влияние чудодейственного, нежданно-негаданного, неслыханного по своим размерам золотоносного дождя.

Но новые дали, новые земли открывают и новые горизонты знания.

8

Февраль 1488 года. Корабль португальского мореплаватели Бартоломеу Диаша находится в двухстах милях северо-восточнее мыса Доброй Надежды. Впрочем, мыс еще так не называется, он вообще не имеет названия. И Диаш еще не вполне понимает, что же произошло. Он день-другой продолжает плыть на север. И только тогда убеждается: желаемое свершилось. Ему удалось обогнуть с юга африканский материк!

На полдороге между нынешним Порт-Элизабет и Ист-Лондоном уставшие от долгого пути матросы заставляют его повернуть назад. Но дело сделано.

Мысом Доброй Надежды назовут открытый уголок земли. Мысом Доброй Надежды потому, что (наконец-то!) появилась надежда попасть в Индию морским путем.

Осуществит это, как известно, Васко де Гама. Но прежде чем в 1499 году к королевскому замку в городе Эвура примчится на взмыленной лошади всадник, прежде чем, задыхаясь от волнения, упадет к ногам короля и скажет, что он может сообщить его величеству радостную весть — португальские корабли побывали в Индии, все в те же незабываемые годы произойдет еще одно значительнейшее событие.

Человек, чье имя знаменито вот уже около четырехсот лет, с восьмидесятых годов XV века, весь отдается идее, не дающей покоя его мятежной душе: найти западный путь к берегам Китая («Стране Великого Хана»), Японии («Сипанго») и Индии.

В 1484 году Колумб предложил свой проект португальскому королю Жуану II. И потерпел неудачу. Тогда в середине 1485 года он направился в Кастилию.

Должны были, однако, пройти еще семь лет, прежде чем 17 апреля 1492 года правители Испании Изабелла и Фердинанд подписали с упорным мореходом вошедшее в историю соглашение. И Колумб отправился в свое знаменитое путешествие.

Так это начиналось… Кабрал в 1500 году открыл Бразилию. После путешествия Америго Веспуччи в Южной Атлантике и четвертого плавания самого Колумба многое в его открытии стало видеться совсем по-иному.

Границы мира раздвигались. На картах появились контуры нового исполинского материка.

Средневековым представлениям и средневековому мышлению был нанесен один из самых сильных ударов.

Мышление короля Генриха VII продолжает, однако, оставаться традиционным. Во всяком случае, в области политики. Суть сводится к тому, что, если ты хочешь иметь союзников и укрепить свою династию, заключай соответствующие династические браки.

Вопрос не простой. С кем дружить и ладить, кого опасаться?

Что касается дочки Маргариты, то здесь более или менее все ясно. В 1501 году совсем еще девочкой принцесса становится женой шотландского короля. Ее внучкой будет Мария Стюарт.

Но главная цель — Испания. Эта быстро усиливающая свое значение и влияние держава может служить отличным противовесом в старых счетах с врагом номер один — французской короной.

Так пусть дочь Фердинанда и Изабеллы Катерина станет женой наследника английского престола — Артура.

10

Переговоры затягиваются. Все обсуждается подробно: приданое, его размеры, способ и время его выплаты, время и место свадьбы — бесконечная цепь переговоров. А за всеми этими нередко второстепенными деталями — основное: кто кого перехитрит, кто сумеет получить большие выгоды от готовящегося союза.

1501 год. Декабрь. Невесте пятнадцать с половиной лет. Жениху четырнадцать.

И вот свадьба. За ней следуют празднества, турниры, танцы.

Весной принц Артур заболевает. Надежд на выздоровление все меньше. Еще несколько дней, и становится ясным: он не жилец на этом свете.

Катерина остается вдовой.

Судьба англо-испанского союза повисает в воздухе.

11

Пройдут восемь лет, прежде чем — уже после смерти Генриха VII — его второй сын, Генрих, ставший королем, женится на бывшей жене своего брата.

Политика превыше всего.

…Весной 1509 года старый, видавший виды Лондон становится свидетелем двух осуществленных с небывалой помпой поистине театральных представлений. Сначала похороны старого

короля, скряги из скряг и деспота из деспотов, чью болезнь и смерть до самого последнего момента держали в секрете.

Шестьсот факельщиков! Отпевание в соборе Святого Павла. Захоронение в мраморном саркофаге Вестминстерского аббатства.

А несколькими неделями позже коронация нового владыки и его супруги. В этот день дома были увешаны гобеленами и парчой, и процессия была столь торжественна, что ничего похожего в Лондоне еще не видели.

Ночь после смерти отца (тот скончался в Ричмонде) Генрих провел во дворце. Но рано поутру он оставляет дворец и окольным путем, окруженный отрядом телохранителей, едет в Лондон. Цель — Тауэр. Крепость наглухо забаррикадирована, везде войска. Лишь после этого Генрих решает сообщить о смерти отца.

Но против его ожиданий в городе спокойно. Король умер? Ну что ж. Да здравствует новый король! И хотя толпы горожан скопились у Тауэра, ведут они себя более или менее мирно.

Гонцы мчатся во все уголки Англии. Нет, в общем псе спокойно, никаких беспорядков.

12

Первое, что делает новый правитель, — объявляет всеобщую амнистию. Жертвы алчности и тирании Генриха VII должны быть освобождены. А их место (это объявляется с особой торжественностью) займут уже арестованные помощники покойного короля, с которыми никто не мог сравниться в изобретательности по взиманию поборов, всеми ненавидимые крючкотворы и подлецы, судьи Дудлей и Эмпсон.

Такое решение нравится многим. К тому же молодой король (ему только восемнадцать!) довольно неплохо — так по крайней мере рассказывают — образован — ведь первоначально его предназначали к духовной карьере. Он знает латынь, говорит по-французски и по-испански. Проникла ли образованность в его душу? Поди знай! Но всяком случае, он умеет красиво говорить и как будто благоволит к ученым.

Среди тех, кто приветствует нового короля, кто надеется хоть на какие-то перемены к лучшему для страны, Томас Мор. Он даже посвящает новому властителю стихотворение, выражая в нем уверенность, что дух просвещения, гуманность восторжествуют теперь в Англии. Правда, уж если быть до конца точным, Мор не забывает дать и весьма отрицательную оценку предыдущему

монарху — в вежливых, конечно, тонах.

…Томасу Мору уже тридцать один год. И он один из самых известных в Лондоне людей.

ГЛАВА ВТОРАЯ

в которой рассказывается о детстве и юности Томаса Мора

1

Мальчик родился… Впрочем, до сих пор, к сожалению, не совсем ясно, когда именно он родился.

В единственном дошедшем до нас документе сказано, что Мор появился на свет в доме своего отца на Молочной улице, в Сити, в Лондоне, в пятницу 7 февраля, на седьмом году царствования короля Эдуарда VII. Седьмой год царствования этого венценосца приходится на 1478 год. Но 7 февраля 1478 года не было пятницей! Зато, как сумели доказать дотошные историки, в 1477 году действительно пятница пришлась на седьмой день вьюжного месяца.

Ошибка в годе? Ошибка в числе? Ошибка в дне? Что же, подобное случалось и в более близкие к нам времена.

Томас был вторым из шести детей. В живых остались лишь четверо.

Его отец, как впоследствии напишет сам Мор, принадлежал к семье хотя и не прославленной, но почтенной: занимал должность судьи в королевском суде. Ту самую, что в свое время и дед Мора.

Своего сына Джон Мор хочет в будущем видеть в мантии юриста. Он не сомневается: сын пойдет по его стопам.

2

Но это все планы на будущее. А пока Томаса надо определить в школу. Одной из лучших в Лондоне слывет школа Святого Антония: здесь много внимания уделяют латыни.

Латынь — язык в какой-то степени международный, на нем пишутся все ученые труды. Человеку образованному без нее не обойтись. Нужна она, разумеется, и законоведу. Если он хочет действительно стать специалистом в своем деле.

Итак, решено: школа Святого Антония, Треднидл-стрит. Учитель — Николас Холт. У него, по обычаю тех времен, припасена про запас розга. Этот невысокого роста, рыжеволосый, веснушчатый педагог, сам похожий на мальчишку, предпочитает,

однако, лишний раз повторить объяснение, чем объясняться с ее помощью.

Уроки Холт ведет интересно: то принесет ребятам аквариум, то выведет их в рощу и расскажет о деревьях и цветах.

Мистер Холт обучает детей выражать свои мысли четко и ясно и любит, когда ему задают вопросы.

Маленькому Томасу очень нравится мистер Холт. Как много тот знает всяких историй!

3

Иногда вместе с друзьями Томас после уроков идет к Темзе. Удочки наготове, черви, жирные, отборные — отличная наживка, — припасены. Долго сидеть и удить у мальчишек терпения не хватает. Все же на добрый котелок ухи рыбы всегда набирается. И тогда начинается самое интересное: плывет в воздухе горьковатый дымок костра, сухо потрескивают сучья. И несет воды желтовато-бурая Темза. По ней плывут лодки, шлюпки. А однажды Томас видит красивый расписной баркас, ходко идущий против течения.

— Королевский, — сказал старик рыбак.

…Мальчик памятлив и понятлив. И запоминает он не только спряжения и склонения, не только объяснения того, что такое звезды и почему идет дождь.

Впоследствии, уже в старости, Мор вспомнит, какое незабываемое впечатление на него произвел разговор отца с одним своим приятелем. Тот рассказывал о соседе, который, узнав о смерти короля Эдуарда IV, с ужасом воскликнул: «Помяните мое слово, королем станет герцог Глостер!»

Герцог Глостер — это будущий Ричард III, человек, устлавший путь к короне трупами своих близких, не остановившийся перед тем, чтобы умертвить в Тауэре собственных племянников. Человек, чье имя с ужасом произносила вся Англия.

Пройдут годы, и Томас Мор напишет историю царствования этого одного из самых больших злодеев на английском престоле.

В ней среди прочего будет сказано: «После свершения своих преступных дел король навек лишился покоя и никогда уже не чувствовал себя в безопасности. Выходя из дому, он все время озирался во все стороны, держа руку на рукоятке кинжала… чувствовал себя разбитым и больным по ночам и не столько спал, сколько дремал, прислушиваясь к малейшему шороху». Именно «Историю короля Ричарда III» Мора положит в основу своей

знаменитой пьесы Шекспир.

4

Но пока Томаса Мора самого еще учат и английскому языку, и литературе, и логике, и истории. Ему преподают искусство танцев и искусство красноречия, его обучают игре на лютне и флейте. Он учит грамматические правила, математику, астрономию и, уж конечно, латынь. Многие его соученики люто ненавидят этот язык: бесконечные правила, исключения из правил… Тоска, а не занятия. А Томасу латынь дается легко. Уже в школе он может прочесть по памяти отрывки из понравившихся ему древних и новых книг.

…Идут годы, и все шире раскрывают перед умственным взором мальчика мир знаний его верные друзья — книги. Книги, в которых рассказывается о героях и богах древности, о далеких и близких временах, о людских судьбах, о тайнах природы и тайнах жизни.

5

Быть пажом у какой-нибудь знатной персоны означало не только прислуживать ей за столом, но и сопровождать везде и всюду. И если паж был умен и сметлив, наблюдателен и ловок, он не только многому мог научиться, но и открыть себе путь к дальнейшему продвижению. Отец Мора никогда не забывает напомнить Томасу, что человек должен испытывать глубокое уважение к карьере и деньгам. И делает все от него зависящее, чтобы пристроить сына — то ли в двенадцать, то ли в четырнадцать лет — в дом одного из крупнейших государственных деятелей Англии, Джона Мортона — архиепископа Кентерберийского (это высший сан в английской церкви) и одновременно лорд-канцлера Англии.

6

Мортон был человеком незаурядным. Интриган и политик (это именно ему пришла в голову идея укрепить власть Тюдора путем брака с представительницей Йоркской династии), принимавший самое непосредственное участие в бурях четырех царствований, блестяще образованный, он покровительствовал

философам, поэтам, ученым, понимал толк в науке, в искусстве, в литературе.

Кто только не бывал в роскошном архиепископском дворце Ламбете, что высился — их разделяла Темза — напротив королевского Вестминстерского дворца! Какие только вопросы не обсуждались за гостеприимным столом! Религия, политика, литература — все было в центре внимания. Здесь не делали секретов из трудностей, которые переживала страна, любили потолковать о последних новостях, погадать о будущем, вспомнить прошедшие времена.

…Юноша, молча стоящий позади кресла своего хозяина, в чьи обязанности входит подавать блюда и наливать вино, изо дня в день слышит дискуссии и разговоры о самых острых проблемах современности.

Мор видит здесь первых в Англии гуманистов, ученых и писателей, с жаром отстаивающих право человека на земное счастье. Он видит и людей другого склада, крупных царедворцев, богатых купцов, обуреваемых жаждой денег и власти, готовых ради этого пойти на любое преступление.

Дом Мортона полон бесчисленных слуг. Здесь целый сонм дворецких, управителей, клерков, казначеев, конюших, грумов, поваров и прочей челяди. Перед юношей как бы в миниатюре чуть ли не все слои английского общества. Включая разоренных крестьян и городских ремесленников, чье имущество составляют только ветхие лохмотья. Иногда — обычно по праздникам — им раздает милостыню специальный чиновник, который так и именуется: раздатчик милостыни. Ее хватает в лучшем случае на несколько дней. А дальше живи как знаешь. Можешь и не жить.

Иногда во дворце Мортона устраивают развлечения: концерты, домашние спектакли. Живой, остроумный, веселый юноша принимает в них самое горячее участие. Он пишет стихи, сочиняет пьесы.

Его импровизации и остроты пользуются успехом.

Мортону нравится Мор.

«Этот мальчик станет великим человеком. Я уже стар, но тот из вас, кто доживет до этих времен, сможет убедиться в правоте моих слов», — говорит он.

…Для дальнейшего продвижения в науках Мортон отправляет Томаса в Оксфорд.

1492 год.

Красные приземистые домики с островерхими крышами, узкие улицы, широкие зеленые лужайки возле учебных корпусов.

Когда-то университет выделился из Парижского: в XV веке сюда переселилась часть его профессоров и студентов. Сейчас это почтенное учебное заведение со своими традициями, привычками, установлениями.

Впрочем, именно теперь во внутренней жизни Оксфорда, в курсах, которые читают студентам, самом подходе к целям и задачам учебы много нового. Время, бурное и противоречивое, накладывает свой отпечаток и на деятельность этого старейшего университета.

Оксфорд, пожалуй, единственное в Англии учебное заведение, где преподается греческий язык. Совсем недавно он был никому не ведом в Англии. Более того, приверженцы средневекового мышления, а таких еще много и в Оксфорде, вообще ничего не хотели слышать об этом языке. Не без некоторого основания они громогласно именуют его «дверью, ведущей к ереси»: ведь на нем писали свои «безбожные» сочинения материалисты древности! И всеми силами противятся, чтобы к этой двери были подобраны ключи.

Но нет ничего труднее, как остановить начавшийся процесс пробуждения мысли. Свежие ветры вольнодумного знания все чаще врываются в затхлый мир богословской схоластики, заставляя бледнеть от ужаса ее служителей и почитателей.

8

Допоздна горит коптилка — эта единственная роскошь, которую позволяет себе Томас Мор, — в одной из комнат студенческого общежития. Час, когда полагается гасить свет, давно прошел. Но Томас не думает об этом. Он весь во власти мыслей, которые открывает ему древняя книга. Как много знал, как много понимал ее автор, живший чуть ли не тринадцать веков назад! «Лучше всего писать о том, что сам видел и наблюдал». «Ум писателя должен походить на зеркало… Какими оно воспринимает образы вещей, такими должно отражать, ничего не показывая искривленным, или неправильно окрашенным, или измененным».

Мор любит эти тихие ночные часы, когда спит весь колледж, когда никто не мешает думать и читать.

…Диалоги, блещущие огнем остроумия. Живые сценки бытия. «Все это я, Лукиан, написал… Честные люди находятся в пренебрежении и гибнут в бедности, болезнях и рабстве, а самые

дурные и негодные, пользуясь почестями и богатством, господствуют над лучшими». Бессмыслен порядок, «когда одни из людей богатеют сверх меры и живут в роскоши, а другие от голода погибают».

В борьбе, в добре, в познании, говорится в книгах, которые читает Мор, смысл жизни человека.

В одной из них Мор находит легенду о бесстрашном Прометее. Во имя спасения людей, которых обрекли на гибель жестокосердные боги Олимпа, не страшась злодейской кары, он похитил огонь и принес его людям.

Не о божественном ли огне человеческой мысли, не о надежде ли на лучшее будущее шла речь в мудрой легенде о Прометее?

9

Все шло хорошо, очень хорошо, хотя одаренному студенту жилось и не легко. Впоследствии он об этом расскажет в одном из своих писем к любимой дочери Мэг. О холодной комнате студенческого общежития, неуютной, на четверых. О пенни в день, которое давал ему отец. Этой суммы едва хватало лишь на обед…

Мор занимается столь усердно, что вскоре, как равный, становится вхож в среду лучших преподавателей.

О новой восходящей звезде учености заговорили в университете, уже сам Мор считал, что его дорога — это дорога ученого, знатока древних языков и античной науки, как вдруг после двухлетнего пребывания в университете последовал приказ отца: пора заняться делом. Философию и прочую античную премудрость Джон Мор таковыми не считал.

[image]

Литература, искусство, наука — все это для видавшего виды адвоката было в лучшем случае забавой.

Из всех наук он признавал одну — законоведение.

Именно поэтому в один — право, отнюдь не прекрасный для Мора — день последовал своего рода ультиматум: если Томас не начнет заниматься юриспруденцией, то будет лишен какой-либо родительской поддержки. И, кроме того, самым серьезным образом восстановит против себя отца. Вплоть до того, что будет лишен наследства.

Мор покидает университет и поступает в школу, готовящую юристов.

11

Что ж, юриспруденция так юриспруденция. В конце концов законоведение — в какой-то мере тоже изучение истории. Впрочем, Мора интересует не только прошлое.

Все пристальнее всматривается он в то, что происходит в современном ему мире и в Англии, его любимой Англии.

Так ли уж все в ней благополучно даже теперь, когда на какое-то время воцарился мир? Действительно, несколько присмирели немногие остатки некогда богатых и своевольных феодальных родов. Но все могущественнее становятся удачливые скопидомы, наживающиеся на торговле. И новые дворяне, которые охотно занимаются предпринимательством…

Роскошь дворца кардинала Мортона — и жалкие хибарки городской бедноты, повешенные за нищенство бродяги, толпы доведенных до отчаяния, не знающих, кому предложить свои рабочие руки, людей.

По некоторым свидетельствам, Мор в это время собирался стать духовным лицом. Может, таким образом (свободнее удастся заняться наукой? Монахам ведь не возбраняются умственные занятия. А то, что Мора интересует не только богословие, этого ведь никто, кроме него, не знает.

По ханжество, лицемерие, распутство монахов слишком чужды его честной и цельной душе. И потом он вовсе не хочет оставаться без семьи, видя в детях одну из радостей жизни.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

в которой рассказывается об одной прогулке Томаса Мора, двух эпиграммах и об одном его выступлении в парламенте

1

Уже в ту пору Лондон был довольно большим городом: не менее ста тысяч жителей. Лес мачт, бесконечные торговые склады, многочисленные ремесленные мастерские с изображениями то сапога, то кафтана свидетельствовали о его торгашеском благополучии. Но совсем рядом — настоящие леса. И поля, рощи, деревушки. Даже от центра города до них недалеко.

Ведь Англия, несмотря на некоторые успехи в ремесле и торговле, — прежде всего крестьянская страна. К городах живет лишь пять процентов ее населения. Остальные девяносто пять — около трех миллионов людей — связаны с землей, работают на ней, кормятся в конечном итоге землей.

2

В лесной глуши оживают знакомые с детства сказки и легенды, в лесной глуши легче и вольнее дышится.

Не здесь ли вместе с товарищами обдумывал свои дерзкие планы друг и защитник простых людей Робин Гуд? И не здесь ли, не боясь, что их услышат, распевали озорную балладу о стране Кокейн пахари и овцеводы, поденщики и кустари? Те, кто лишь в помыслах, в сокровенных беседах мог позволить себе роскошь отвести душу, высказать свое недовольство, свои надежды, свои мечты? Мечты о справедливых порядках — и не на том свете, как это обещает церковь, а на этом. Мечты о стране всеобщего благоденствия, благополучия для народа.

…Как это там поется в этой передающейся из уст в уста от поколения к поколению старинной балладе:

Пускай прекрасен и весел рай,
Кокейн гораздо прекраснее край.
Ну что в раю увидишь ты?
Там лишь деревья, трава, цветы…

Нет ни трактира, ни пивной,
Залей-ка жажду одной водой.

Прекрасен «остров на запад от страны Спейн» (Испания), который «люди зовут Кокейн». Это здесь:

Из хрусталя колонны стоят,
На солнце, как яркий свет, горят.
Из яшмы зеленой у них капители,
А низ из кораллов, чтоб все глядели.

Это здесь:

Широкие реки текут молока,
Меда и масла, а то и вина.
Гусей жареных летает стая.
На вертелах все, ей-богу, клянусь,
Гогочут: «Я — гусь, я — горячий гусь».
А жаворонки, что так вкусны,
Влетают людям прямо во рты,
Тушенные в соусе с луком, мучицей,
Присыпаны густо тертой корицей.
Растет там и чудесное дерево пряностей:
У корней — имбиря запах летучий,
Ростки — из валерьяны пахучей,
Мускатный отборный орех — его цвет,
Ствол корой из корицы одет,
Плоды — ароматные гроздья гвоздики.

Июньские вечера светлые и теплые. Мор с упоением вдыхает дух земли, пряный, настоянный на травах.

…Зайцы выскакивают порой чуть ли не из-под ног.

Принюхиваясь к следу, в рыжей своей шубке проходит лисица.

Еще немного — и станет темнеть. Пора выбираться на тропинку.

Впрочем, спешить некуда. Он еще доставит себе удовольствие полюбоваться с какой-нибудь полянки звездным небом.

3

Мор медленно бредет в город. И в ушах у него все от же мотив, бесхитростный мотив знаменитой баллады в стране счастья.

День постоянно, нет места ночам,
Ссор и споров нету, поверьте,
Живут без конца, не зная смерти.
В одежде и пище нет нехватки,
У мужа с женой не бывает схватки,
Все вместе у всех — у юнцов, стариков,
У кротких, у смелых, худых, толстяков.

Ну, а как же попасть в эту страну? Как найти к ней дорогу?

В эту страну чтобы путь найти,
Сперва епитимью надо пройти:
Надо сначала целых семь лет
В навозе свином просидеть,
По шею в него погрузиться —
Тогда сможешь там очутиться.
Милостивые добрые лорды,
Если откажетесь гордо эту епитимью стерпеть,
Никогда вам тогда не суметь
Из этого света уйти туда
И остаться там навсегда.
Молитесь, чтоб вам помог
Туда попасть милосердный бог.

Крестьянам этого испытания не надо, они заработали себе право пожить в стране Кокейн! То ли дело господа.

Мор усмехается. Как это сформулировал Джон Болл неистовый священник, что громогласно во время крестьянского восстания 1381 года заявил: «Когда Адам копал, а Ева пряла, кто дворянином был тогда?» Право неплохо. Нет, совсем, совсем неплохо.

1501 год. Студенческая пора позади.

4

Из письма Эразма Роттердамского Ричарду Уитфорду.

Многие годы, дорогой Ричард, я занимался только греческой литературой, но позднее, чтобы восстановить мои добрые

отношения с латынью, я принялся читать вслух и произносить монологи на этом языке. Поступая таким образом, я действовал под влиянием Томаса Мора, чье красноречие, как Вы знаете, очень велико… Человека, к которому я питаю такое уважение, что если бы он попросил меня сплясать под аккомпанемент рожка, я бы это сделал тут же! Мор пишет о тех же самых вещах, что и я, и так основательно, что в его сочинениях все взвешено и продумано до мельчайших частностей. Мне кажется, что природа вряд ли когда-нибудь сотворила что-либо равноценное его тонкому, красивому, ясному уму и что трудно сыскать человека с большими достоинствами, чем он. Добавьте к этому могучий дар слова, вполне соответствующий его интеллекту, удивительную бодрость духа, остроумие и то, что по своему характеру он чрезвычайно деятелен, и вы не пустите ничего из тех качеств, которые должны быть присущи отличному адвокату.

Мор действительно блестящий адвокат. И практика его быстро растет.

Но молодой преуспевающий юрист не бросает своих литературных занятий. Он пишет эпиграммы и сатиры.

«О жажде власти» назвал одно из своих стихотворений Мор.

> Редко среди королей одного ты разыщешь, который
> Царством своим, им в наследство полученным, будет доволен.
> Редко среди королей одного ты разыщешь, который
> Править своим государством умеет.
> Другое называлось «Воля народа дает короны и отнимает их».
> Кто во главе многолюдного общества место имеет,
> Пусть не забудет того, что им он самим и поставлен.
> Должен на этом посту оставаться, конечно, не дольше,
> Чем пожелает народ, его пригласивший на царство.
> Что же так сильно подчас венценосцы кичатся пред нами,
> Слабы ведь в общем они, и престол до поры им положен.

1504 год. Томас Мор становится членом английского парламента.

[image]

Учреждение это в какой-то мере контролирует власть короля. В частности, именно парламент утверждает (и не утверждает) новые налоги и поборы.

Впрочем, парламент давно уже предпочитает не перечить королю. В конце концов тот, несмотря на все а корыстолюбие, проводит политику, которая не противоречит интересам засевших в парламенте дворян и торговцев — этих «посланцев нации».

Предыдущий парламент в 1496–1497 годах благосклонно предоставил королю требуемую им сумму денег. Правда, хитрец правитель на всякий случай распустил слухи о готовящейся войне.

Войны не было. А деньги ушли в сундуки Тюдора.

Теперь, как казалось Генриху, настало время еще раз произвести подобную операцию.

Предлог? Их сразу два. Во-первых, не может же король оставить без приданого свою дочь Маргариту, слава богу, выданную замуж за шотландского короля. А во-вторых, должен ведь король получить деньги за посвящение в рыцари принца Артура.

В прошлый раз король требовал так называемые две пятнадцатые (особый налог, который платили графства, городки и местечки. Одна пятнадцатая равнялась без малого 38 тысячам фунтов стерлингов). Сейчас король хочет получить уже три пятнадцатых.

Сумма большая, очень большая. Но протестовать, ссориться с королем?

…Уже выступило много ораторов: они считают, что палата должна изъявить согласие.

Спикер, председатель Палаты общин, традиционно восседающий в своей длинной мантии с широкими рукавами на мешке с шерстью, доволен: кажется, дело обойдется без неприятностей.

…Сонный полумрак. Где-то на задней скамье раздается храп утомившегося эсквайра, он успел подкрепиться доброй пинтой пива и теперь безмятежно спит, привалившись к барьеру.

И вдруг слово просит депутат Мор. Не спеша поднимется он со своего места. Голос у него негромкий, но пучит уверенно, речь отчетливая.

— Я не согласен, — говорит он. — Король не имеет права требовать такие большие деньги.

— Что вы, — опешив, прерывает его спикер, — это оскорбление короны.

— Вы так считаете? — вежливо осведомляется Мор. — Этот вопрос мы еще обсудим. Пока же разрешите продолжить. — Я повторяю, — голос Мора крепнет, — его величество король не имеет права на такую сумму. — И, обращаясь к депутатам, говорит: — Достопочтенные джентльмены, вы, наверное, еще не

запамятовали, что сын короля, принц Артур, скончался без малого три года назад. Не смешно ли сейчас оплачивать его посвящение в рыцари? И как это вообще соотносится с законом? Может быть, не все знают, но обязательство платить королю деньги по случаю посвящения его сына в рыцари — вовсе не закон. Закона нет. Есть старый давно уже позабытый средневековый обычай. В последний раз им воспользовался король Эдуард III более полутораста лет назад.

— Он прав, — говорит один из депутатов, — закона действительно нет.

Мора поддерживают еще несколько человек.

Королю приходится довольствоваться значительно меньшей суммой — 30 тысяч фунтов стерлингов. Именно ее внесут в пергаментный свиток с прикрепленным к нему шелковым плетеным шнурком шариком — биллем — на конце.

Из-за этих шариков и сами запечатленные на пергаментных свитках законы именуются в Англии биллями.

Спикеру не остается ничего другого, как произнести традиционную фразу:

— Да будет все исполнено согласно решению.

Начинается поименное голосование. Большинство на стороне Мора.

Король Генрих VII рвет и мечет: какой-то безусый юнец, какой-то без году неделя адвокатишка, осмелился воспротивиться монаршей воле. В Тауэр его, в Тауэр!

Королю напоминают, что это не совсем удобно. Как-никак член Палаты общин, право неприкосновенности.

Пусть тогда за сына ответит отец. Предлог находится быстро, было бы желание. Джон Мор попадает в тюрьму и выходит из нее только после того, как платит крупный штраф.

…Пять лет, вплоть до смерти Генриха VII, Мор ожидает каверз со стороны мстительного короля. Он даже некоторое время вынужден не показываться в парламенте: опасно снова вызвать королевский гнев.

1509 год. Генрих VII мертв.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

в которой повествуется о забавах Генриха VIII Тюдора, о «мадам Глупости» и о том, как копыто овцы стало превращать песок в золото

1

Наследник Генриха VII, убедившись, что никто в Англии не помышляет стать ему поперек дороги, пока что забавляется. Дни он проводит на охоте, вечером пирует на банкетах, танцует до полуночи, а потом садится играть в карты.

Государственные дела? О, все пойдет великолепно. Англии повезло: она получила образованного короля, ценителя наук и искусства, юного Геркулеса, одерживающего победы на турнирах, сильного, ловкого, богатого. Он очень богат, Генрих, ему принадлежит награбленное отцом бесчисленное количество имений, лесов, рек, мельниц, мостов, рынков, городов и дворцов. И потому, можно надеяться на смягчение податного гнета. Король говорит о том, что стремится к миру. Он во всеуслышание объявил, что собирается царствовать по «законам разума».

Новые времена? Таков миф, который старательно распространяют король и его приближенные. Миф, ибо но сути ничего не меняется в Англии. Все остается по-прежнему. И прежде всего абсолютная власть короля.

Но это, в особенности вначале, мало кто понимает и видит. Все ждут перемен к лучшему. И никто вообще не догадывается, что под личиной образованного и гуманного государя, каким очень хочется показать себя Генриху, скрывается один из самых отвратительных деспотов своего времени, лукавый и вероломный правитель.

…Будут еще впереди войны — Генрих VIII не преминет ввязаться во все сложные политические вопросы своего времени, будет своеволие, граничащее с самоуправством, и жестокосердие, граничащее с изощренным изуверством. Будут суровые кары и законы против обездоленных и бедных. А помимо десятков тысяч жертв из низшего сословия, Генрих VIII отправит на эшафот двух своих собственных жен, двух кардиналов, 143 епископа, 12 герцогов, маркизов и графов, 29 баронов и рыцарей..! Полный список занял бы, право, слишком много места. При любой перемене политики будут лететь головы. И король будет всегда

прав, а виноват кто-то другой.

2

В 1509 году в Англию вновь приезжает теперь уже всеевропейски известный Эразм. Он останавливается у Мора. И здесь, в его доме, по совету Мора он в течение недели создает «Похвалу глупости», самое знаменитое свое произведение. Книгу едкую, умную, гротескную и в то же время достаточно ловко написанную, чтобы имя автора не могли объявить крамольным.

Сделать иронию и насмешку своими верными союзниками, высказать правду в лицо, скрыв ее под шутовским колпаком глупости, — это была превосходная идея!

Похвала глупости. Но эта «мадам Глупость», как именует ее Эразм, высказывает то, что думали и чувствовали многие, то, что носилось в воздухе: нужны перемены, господствующие порядки нелепы и невозможны.

Ущербный и страшный лик времени вставал со страниц этой смелой книги.

Посвящена она была Томасу Мору. «…Ты всегда любил шутки такого рода: ученые и не лишенные соли (ежели только не заблуждаюсь я в оценке собственного моего творения)…»

[image]

3

Между тем имя Мора как искусного и честного адвоката приобретает в Лондоне все большую популярность. В 1510 году он помощник шерифа столицы. Должность эта (судьи по гражданским делам) не обременительна, но считается очень почетной. Друг его Эразм напишет: «Никто не разобрал столько дел, как он, никто не вел их добросовестнее. Такие его обычаи доставили ему величайшую любовь сограждан».

Безбедное существование. Возможность и дальше заниматься изучением творений своих излюбленных древних писателей, писать самому. Счастливая семейная жизнь. Увы, она длится недолго.

В следующем году умирает его любимая жена. На руках у вдовца четверо детей.

Несколько месяцев спустя его женой становится — так ее

будет называть Мор — «дама Алиса». Она вдова, немного старше Мора, самой заурядной внешности, но домовита и хозяйственна. И хорошо относится к детям.

Впрочем, за воспитанием детей тщательнейшим образом следит и сам Мор. В семье в основном девочки. Мор твердо придерживается той точки зрения (для тех времен это необычно, странно), что им надо дать самое широкое, «мужское» образование. Языки, в частности хорошее знание древних языков, обязательны. Особенно много внимания он уделяет своей любимице Мэг — она очень способна.

Томас считает, что муж, придя домой, должен позаниматься с детьми, посоветоваться с женой, поговорить со слугами. Он музицирует сам, обучает игре на гитаре, лютне, флейте жену, детей.

В специальных вольерах у Мора чуть ли не все виды птиц — разноперое и разноголосое царство. Среди них два попугая, жители дальнего острова, — английские корсары, взяв на абордаж испанский корабль, захватили пряности, золото, а заодно и попугаев. Один из них акклиматизировался довольно быстро. Другой иногда похварывает и не слишком вежлив: бранится по-испански. Мор относится к его высказываниям хладнокровно. Он обучает и грубияна и его собрата здороваться по-английски и благодарить. Ребятам нравится эта забава, тем более что оба попугая постепенно преуспевают в науке.

Живут в доме собаки, несколько золотых фазанов, лисица, ласка. В одной из комнат большой аквариум. Там целые стаи необычных заморских рыбок — золотистых, красных, с чудными хвостами-вуалями.

Томас Мор любит все необычное. Его внимание привлекают и старинные монеты, которые немало путешествовали на своем веку, нередко уже тусклые, стершиеся, но иногда и относительно новые — лежали в чьих-нибудь сундуках. Монеты всех стран: испанские дублоны, имперские немецкие талеры, деньги, вывезенные торгашами из бесчисленных итальянских княжеств, французские ливры. И он по-детски счастлив, когда может приобрести какую-либо занятную вещицу: шотландскую волынку, резную шкатулку необычной формы, с искусно скрытым замком, часы с удивительно мелодичным боем.

Мечей, кинжалов, пистолетов в его коллекции нет. Томас Мор не охоч до оружия. Зато в доме в чести книги. Их много. Книги древних авторов. Но и книги его современников тоже. Все мало-мальски занятное: будь то философский или богословский трактат, книги по медицине, о природе, о животных, исторические хроники и исследования об открытии новых земель.

И рукописи: не всем удавалось увидеть свою книгу напечатанной.

…Вот и сегодня, сидя в кресле у весело пылающего камина, Томас Мор читает и перечитывает раздобытый с немалым трудом, переписанный от руки том.

Четырнадцать лет провел его автор Роджер Бэкон в тюрьме, обвиненный в ереси, и вышел на свободу семидесятивосьмилетним стариком, за два года до смерти

Двести с лишним лет прошло с того времени. Но какие глубокие мысли в этой удивительной книге!

«Можно сделать орудия плавания, идущие без гребцов, суда речные и морские, плывущие при управлении одним человеком быстрее, чем если бы они были наполнены людьми. Так же могут быть сделаны колесницы без коней… Можно сделать летательные аппараты, сидя в которых человек сумеет приводить в движение крылья, ударяющие по воздуху, подобно птичьим… Можно сделать аппарат, чтобы безопасно ходить по дну моря и реки. Прозрачные тела могут быть так отделаны, что отдаленные предметы покажутся приближенными, и, наоборот — так, что на невероятном расстоянии будем читать малейшие буквы и различать мельчайшие вещи, а также будем в состояние рассматривать звезды, как пожелаем, сумеем приблизить к Земле Луну и Солнце…»

«Мы, потомки, — писал Бэкон, — должны выполнить то, чего недоставало древним. Входя в их труд, мы должны, если мы не ослы, побуждаться к улучшениям».

…Можно ли сделать так, чтобы хотя бы в будущей люди были свободны и равны? Счастливы?

Что нужно для этого?

Мор живет в Лондоне. Но и сюда доносится глухо рокот народа, угнетенного, задавленного нуждой, чей протест и негодование пока еще не выливаются в бунты.

Толпы нищих и бродяг заполняют дороги Англии. У всех на устах одно слово: огораживание.

4

Шерсть! Уже начиная с XII века она начинает пользоваться спросом на европейском рынке. Теперь, когда торговля и цеховое производство разрушают натуральное хозяйство, когда растут новые города, а из Нового Света уже хлынул поток золота, изделия из шерсти все более в чести. И английская шерсть все более становится золотым руном, надежнейшим средством обогащения.

Вот на чем будут теперь неслыханно богатеть владельцы больших стад овец. И владельцы мануфактур, использующих дешевую рабочую силу, скопившуюся в деревне. И уж, разумеется, торговцы-посредники, распоряжающиеся этими сукнами не только у себя дома, но и на рынках Роттердама и Антверпена.

И вот почему все больше крестьян остаются без земли. И без крыши над головой.

«Копыто овцы превращает песок в золото» — ясно всем. Но одновременно это приводит к тому, что на каждом шагу нарушаются вековые обычаи, что помещик запрещает пасти деревенское стадо на своей земле и собирает ее в один участок, огораживая рвом или изгородью.

Но и этого мало знатным и богатым! Существовали ведь еще и общинные выгоны, луга, пустоши. Прибрать их к рукам! Пусть теперь там нагуливают жир и отращивают свою шерсть овцы, принадлежащие господину!

…Тяжелые времена. Страшные времена.

ГЛАВА ПЯТАЯ

в которой рассказывается о поездке Томаса Мора во Фландрию и его знакомстве с неким Рафаилом Гитлодеем

1

Летом 1515 года Томаса Мора, который давно уже зарекомендовал себя как человек осмотрительный, честный, деловой, лондонские купцы в числе нескольких других уполномочили отправиться во Фландрию. Нужно было восстановить прерванные торговые отношения между двумя странами.

К тому времени Генрих VIII успел дважды ввязаться в войну с Францией, и хотя в июле 1514 года был заключен очередной мир, но посланников английских купцов все еще не очень жаловали в тяготевшей к Франции Фландрии.

Переговоры затягиваются. Проходит осень, а фландрские купцы все набивают себе цену. Они подданные Карла Кастильского, правителя Нидерландов. А Карл не очень уверен, стоит ли ему помогать умножать могущество Англии.

2

Мор никогда не любил терять времени зря. И поэтому перерывах между переговорами он объездил чуть ли не всю Фландрию и, уж конечно, использовал все возможности для того, чтобы завязать тесное знакомство с местными гуманистами.

Кости, карты и прочие игры, которыми обычно убивает время знатная чернь, — это не для него. Вот дружеские беседы, размышления, споры ему по вкусу.

Во Фландрии Эразм познакомил Мора с Петром Эгидием из Антверпена. Эгидий очень понравился Мору. Это был человек образованный, серьезный, добросердечный. Они быстро подружились и много времени проводили вместе.

И именно во время поездки во Фландрию в длинные осенние вечера Мор начал писать книгу, которая давно уже стояла перед его внутренним взором, книгу, в которой ему хотелось осмыслить все то, что давно уже откладывалось в его душе.

3

Книга эта понемногу пишется, а тем временем, благополучно выполнив поручение, Мор возвращается домой. Благополучно потому, что в конце концов нидерландским купцам торговать шерстью нужно было ничуть не меньше, чем их английским коллегам.

Вскоре с подобным же поручением Мора отправят в Кале. И здесь тоже его обаяние, его широкий ум, дипломатические способности в немалой степени содействуют успеху переговоров. Имя его становится все более широко известным. Впрочем, сам он в одном из писем к Эразму не без некоторой горечи признается: «Быть послом мне никогда особенно не нравилось. Для нас мирян, это далеко не так просто, как для вас, священнослужителей, не имеющих ни жен, ни детей… Когда мы, хотя бы на короткий срок, вынуждены уезжать из дома, наши сердца полны желанием вернуться обратно в семью. К тому же, когда мирянин, в данном случае я, уезжает, он должен жить на два дома…»

Правда, король предложил ему пенсию в компенсацию понесенных убытков. Но Мор отказывается от нее. Он не хочет потерять из-за этого доверие своих сограждан. Ведь если бы между ними и Генрихом возникли какие-либо недоразумения, говорит он, то горожане могли бы отнестись к нему, Мору, с недоверием, раз он обязан королю благодарностью за ежегодную пенсию.

…За те семь лет, что прошли со времени начала царствования Генриха, кое-что уже прояснилось в личности короля и в его политике. Расходы на войны, бесконечное строительство дворцов (в общей сложности он их построит пятьдесят). Подделка монеты (уже в первом году своего правления Генрих снизил содержание серебра в шиллинге со 142 до 138 граммов). Законы, направленные против неимущих.

4

В конце 1516 года в бельгийском городе Лувене, где в то время находился Эразм Роттердамский, вышла в свет написанная на латинском языке небольшая книга с пространным по обычаю того времени заглавием: «Золотая книга, столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии».

Для людей, знавших греческий язык, было понятно, что

утопия означает «несуществующее место». Впрочем, первоначально Мор назвал свой остров по-латыни Nusquama, что означало «Нигде».

Книга состояла из двух частей.

Вторая часть, в которой рассказывалось об острове и его государственном и общественном устройстве, была написана во время поездки во Фландрию. Первую часть он дописывал в Англии главным образом ночами, другого времени не было, скорее всего весной все того же 1516 года.

…А начиналась книга с того, что было на самом деле: его, Мора, послали наладить торговые отношена между Англией и Нидерландами. И вот, находясь во Фландрии, в Антверпене, он познакомился с лихим путешественником, немало повидавшим на своем веку, португальцем Рафаилом Гитлодеем.

В переводе — мы же знаем, Мор был склонен к шуткам — это имя означает «Рассказчик небылиц».

5

Познакомил его с Гитлодеем Эгидий. Произошло это однажды после обедни, когда Мор собирался вернуться в гостиницу. Тут-то он и увидел Эгидия, беседующего с иностранцем, близкого по летам к старости, с опаленным от зноя бородатым лицом, с плащом, небрежно свесившимся с плеча. Мор принял незнакомца за моряка.

Заметив Мора, Эгидий отвел его в сторону и спросил: «Ты видишь этого человека? Я собирался прям отсюда вести его к тебе… Нет никого на свете, кто мог бы рассказать столько историй о неведомых людях землях, а я знаю, что ты большой охотник послушать это…»

Так непринужденно, при полном соблюдении правд подобных обстоятельств начинается книга, которой суждено будет стать одной из самых значительных в истории человечества.

«Золотая книга» назвал ее сам Мор. Нужно отдать ему справедливость: он не ошибся.

[image]

6

Итак, быль или небыль? Мор старательно уверяет: быль. И в

самом деле, разве не известно образованным людям в Европе (а для них, гуманистов и книгочиев, и пишет свою книгу Мор), что Америго Веспуччи — об этом читают уже повсюду — совершил четыре путешествия в страну, открытую Колумбом? Разве не могло так быть, что одним из его спутников в трех путешествиях был Гитлодей? И что последний приложил все старания, дабы добиться у Веспуччи разрешения остаться в крепости у мыса Кабо Фрио в Бразилии в числе остальных двадцати четырех человек? О том, что он там остались, любой желающий может прочитать в вышедшей в 1507 году книге Веспуччи Путешествия».

И разве не могло так случиться, что Гитлодей вместе с пятью товарищами объездил много стран? И напоследок удивительная случайность занесла его на Тапробану[1], а отсюда в Калькут, гавань на юге Малабарского побережья, которую Васко де Гама достиг в мае 1498 го да? И что там Гитлодей встретил корабли португальцев и вернулся на родину?

Немного странный путь? Но, во-первых, не забывайте, идет лишь 1516 год и многое еще просто неизвестно. А во-вторых, так ли уж это все важно? Названы новые страны и давно известные тоже. Сказано об удивительной случайности — все звучит достаточно правдоподобно. Мало ли еще более невероятных историй поведали в ту пору, в том числе и в Англии, моряки, возвращавшиеся из самых разных стран?

Гораздо важнее другое — и тут в книге, начатой как приключенческий роман (ведь Гитлодей совершил кругосветное путешествие до Магеллана), начинают звучать серьезные ноты: знакомство с теми мудрыми порядками, которые во время своих странствий видел Гитлодей. Ибо на всякого рода чудовищ — будь то гарпии с лицом девушки, телом коршуна и огромными когтями или еще что-либо в этом роде — «можно наткнуться почти повсюду, а граждан, воспитанных в здравых и разумных правилах, нельзя найти где угодно».

О эта моровская ирония! Это умение как бы мимоходом, в одной лишь фразе передать очень глубокую мысль. И одновременно дать соответствующий настрой читателю.

Вы ищете в книге развлечений и необыкновенных приключений? Что ж, они будут. Но, читатель, будь внимателен, речь-то идет о делах куда более важных!

Правда, ответственность за все написанное несет не Томас Мор. Он всего лишь пересказчик.

Во вступлении к книге Мор лукаво заметит: если бы ему пришлось все придумывать самому, то «обдумывание материала и его планировка потребовали бы немалого таланта, некоторой доли учености и известного количества времени». А эта задача, с которой он явно бы не справился: «не хватило бы ни времени, ни усердия».

Впрочем, со временем у Мора действительно плохо… «Постоянно приходится мне то возиться с судебными процессами (одни я веду, другие слушаю, третьи заканчиваю в качестве посредника, четвертые прекращаю на правах судьи), то посещать одних людей по чувству долга, других — по делам. И вот, пожертвовав вне дома другим почти весь день, я остаток его отдаю своим близким». Не без горечи он добавляет: «А себе, то есть литературе, не оставляю ничего».

«Себе, то есть литературе»! Знаменательное признание. Значит, вот в чем видит главное в своей деятельности Томас Мор!

8

…В «Похвальном слове Глупости», Эразм предоставляет трибуну мадам Глупости. Мор предоставляет слово Гитлодею.

Правда, иногда в беседе принимают участие и Эгидий, и он сам, и другие реально существующие или выдуманные персонажи. Но главным образом для того, чтобы время от времени возражать Гитлодею.

Это тоже входит в игру. Иногда нужно кое-что и возразить. Для того чтобы получше запомнилось то, что утверждается.

9

А утверждается в книге многое.

Это в уста Гитлодея вкладывает Мор жесточайшую критику порядков в современной ему Англии (да и в Англии ли только!), правдивую до мельчайших деталей. Он говорит о ненасытной алчности богачей, о том, что страна наводнена знатью, которая, подобно трутням, живет трудами других. Выступает против бездельников — телохранителей аристократов, заявляя, что «мне отнюдь не представляет полезным для государства содержать на случай войны, которой у вас никогда не будет без вашего желания, беспредельную толпу людей такого рода; они вредят миру, о котором, во всяком случае, надо заботиться гораздо больше, чем о войне». Это Мор дает возможность Гитлодею

произнести знаменитые слова об овцах, которые «обычно такие кроткие, довольные очень немногим, теперь, говорят, стали такими прожорливыми и неукротимыми, что поедают даже людей, разоряют и опустошают поля, дома и города».

«Кормите меньше дармоедов! — восклицает Гитлодей. — Обуздайте своеволие богачей! Прекратите попрание справедливости! Прекратите уничтожение людей… Человеческую жизнь невозможно уравновесить всеми благами мира».

Выступая против захватнических войн, он едко замечает: «И одно французское королевство (нельзя же все время говорить только об Англии, умный читатель и так поймет, что хочет сказать автор) слишком велико, чтобы им мог надлежаще управлять один человек».

10

Томас Мор недаром получил юридическое образование. Его обвинительная речь становится все более резкой, все более грозной. Короли? Они «охотнее отдают свое время военным наукам, чем деяниям мира, и гораздо более заботятся о том, как бы законными и незаконными путями приобрести себе готовые царства, нежели о том, как надлежаще управлять приобретенным». Они окружают себя льстивыми и корыстными советниками, которые думают только о том, как бы побольше соков высосать из населения.

Священнослужители? «Какую огромную и какую праздную толпу представляют священники и так называемые чернецы!»

Монахи? Они-то «и есть главные бродяги».

Зато с какой искренней скорбью говорит Мор об участи простых людей, постоянной нужде большинства населения Англии!

Гитлодей, видимо, был человек наблюдательный. И справедливый. Недаром, рассуждая об английских уголовных законах, о тех зверских наказаниях, которым подвергает правительство превращенных в воров разоренных крестьян и ремесленников, он заявляет: «Нельзя наказывать людей за проступки, являющиеся следствиями тех невыносимых условий, в которые они поставлены существующими в государстве порядками».

Как же избавиться от всех бедствий?

Как сделать так, чтобы люди жили счастливо?

О, здесь убеждения Мора достаточно четки. Долго, многие годы обдумывал он этот вопрос, искал на него ответа в книгах и в

жизни.

В чем же корень зла? В том, устами Гитлодея говорит Томас Мор, что в Англии, как и повсюду в Европе, существует частная собственность. *«А там, где только есть частная собственность, где все мерят на деньги, там вряд ли возможно правильное и успешное течение государственных дел».*

Слово сказано. Вот он, главный враг, главный источник всех бед и несчастий. Вновь и вновь возвращается к этой поистине революционной мысли Мор: «…Благополучие в ходе людских дел возможно только с совершенным уничтожением частной собственности». Это частная собственность приводит к тому, что «один живет среди изобилия, удовольствий и наслаждений, а другие повсюду стонут и плачут».

11

Вдумайтесь только! Ведь еще лишь начинается XVI век! Ведь еще цепко, коршунами сидя в своих поместьях, держатся за свои земли и привилегии дворяне. А для набирающей силы буржуазии накапливать имущество и деньги становится основным принципом жизни. Да что там буржуазия! Все: монахи, короли, чиновники — одержимы одним: богатеть. Поиски новых рынков, погоня за неведомыми сокровищами заморских стран, нещадная эксплуатация неимущих…

Томаса Мора тоже интересуют заморские страны. Такие, в которых нет частной собственности.

И его тоже интересует богатство. Но такое, которое является общественным достоянием.

Он осторожен, Мор. Возражая Гитлодею, именно он приводит довод, который и ныне в чести (за неимением других у защитников капитала): «А мне кажется, наоборот, никогда нельзя жить богато там, где все общее. Каким образом может получиться изобилие продуктов, если каждый будет уклоняться от работы, так как его не вынуждает к ней расчет на личную прибыль, а, с другой стороны, твердая надежда на чужой труд дает возможность лениться…»

«Я не удивляюсь, — отвечает Гитлодей, — этому твоему мнению, так как ты совершенно не можешь вообразить такого положения или представляешь его ложно. А вот если бы ты побыл со мной в Утопии…»

ГЛАВА ШЕСТАЯ

в которой рассказывается о наилучшем устройстве государства и об удивительном острове Утопия

1

Этого государства нет. Оно только в воображении Мора. Но воображение его столь богато, мысль так четка, что невиданное общество появляется на страницах книги не только общим планом, а во всех частностях.

Итак, может или не может быть организовано на началах равенства, без частной собственности общественное производство? Может, отвечает Мор. И уж одним этим делает бессмертным свое имя, ибо так на этот вопрос отвечает впервые в истории именно он.

…Взгляд в будущее. Но рассказ ведется так, что читатель этого не чувствует: помилуйте, все уже осуществлено, все собственной персоной видел Гитлодей, проживший в этом любопытном государстве целых пять лет. И не покинувший бы его, если бы не страстное желание рассказать другим об этом новом мире и об удивительном народе, который сумел ввести у себя правильные и справедливые порядки.

2

Вечера в Брюгге, а потом в Антверпене были длинные, спокойные, да и днем нередко выпадали свободные часы. Томасу Мору хорошо думалось и хорошо работалось. И мысль его, подстегиваемая беседами с друзьями,

все вновь возвращалась в привычное русло: как сделать так, чтобы люди были счастливы?

…Он сидит и пишет, свеча оплыла, в камине давно уже погас огонь. Одна поверх другой ложатся заполненные округлым энергичным почерком страницы. *«Остров утопийцев в средней своей части, где он всего шире, простирается на двести миль, затем на значительном протяжении эта ширина немного уменьшается, а в направлении к концам остров с обеих сторон мало-помалу суживается. Если бы эти концы можно было обвести циркулем, то получилась бы окружность в пятьсот миль. Они*

придают острову вид нарождающегося месяца, бока его разделены заливом, имеющим протяжение приблизительно в одиннадцать миль. На всем этом огромном расстоянии вода, окруженная со всех сторон землей, защищена от ветров, наподобие большого озера, скорее стоячего, чем бурного; а почти вся внутренняя часть этой страны служит гаванью, рассылающей к большой выгоде людей по всем направлениям корабли…»

Неспешно течет повествование, подробно, как это и делалось в ту пору в записках путешественников, указываются расстояния, перечисляются беды, подстерегающие судно, желающее подойти к острову. Оказывается, это не так-то просто: вход в залив опасен из-за мелей с одной стороны и утесов с другой. Под волнами скрыто множество губительных скал. Проходы между ними известны только утопийцам, и иностранец может проникнуть в залив лишь с помощью местных проводников.

А проникнуть стоит, ибо другой такой страны не найдешь, быть может, во всем свете. Здесь нет «твоего» и «моего» — все принадлежит всем. Основа благосостояния — труд.

…Не больше дня нужно путнику, чтобы добраться из одного города в другой. Много поселков: там живут крестьяне. Впрочем, трудно сказать, крестьяне ли они. Ибо в Утопии все горожане по очереди на два года отправляются работать и жить в деревни. А потом возвращаются в свои города. Здесь тоже всем находится дело: можно выплавлять металл, работать по дереву, быть плотником, кузнецом и слесарем.

Люди, склонные к науке, освобождаются от физического труда. Впрочем, как правило, никто этой привилегией не пользуется.

«Зерно утопийцы сеют ради хлеба. Вино пьют или виноградное, или грушевое. Скота выращивают и посевы делают в гораздо большем количестве, чем это требуется для них самих и их города, чтобы в случае надобности поделиться с соседями. Чего у них нет в деревне, то просят у города и получают очень легко, без всякого обмена…»

Мор откладывает перо. Устала рука: воображение задает ей слишком много работы. Он встает, наливает себе молока, отрезает ломоть хлеба. За окном темно. Лишь в порту на одном из кораблей тускло мерцает фонарь: наверное, готовятся рано поутру отправиться в дорогу. Счастливо! Пусть в помощь им будет попутный ветер, пусть всегда видят чистое небо. Может быть, достигнут они страны, где нет «твоего» и «моего», где люди живут по законам разума?

…Гремя оружием, проходят несколько солдат. Они кольцом окружили какого-то беднягу, только, наверное, поднятого с

постели, и ведут его со связанными руками.

— Два часа ночи, — раздается на улице голос стражника, — да будет, будет крепок ваш сон, граждане Антверпена.

…А как выглядят города в этой его стране?

Мор ощущает аромат трав и цветов, еще по-летнему ярких, там, на острове своей мечты. Леса уступают свое место пастбищам, колосится душистое поле.

Да, конечно, почти неприметно подходят поля и луга к опоясанному высокой и широкой стеной, с башнями и бойницами городу. И дома в нем хорошие у всех. Трех этажные, стены из камня, песчаника, кирпича — не хуже, чем у здешних фландрских богачей. Но не наполненные всякой дорогой дребеденью. Крыши плоские, покрытые замазкой или пропитанные соответствующим составом, чтобы не поддавались огню. А окна от ветров защищают стекла.

Вот так: стекла, которые и в Англии есть только во дворцах да у богатеев. Либо тонкие полотна, смазанные прозрачным маслом. В комнатах светло, уютно.

И как прекрасно, если не только в деревнях, но и в городе за каждым домом будут сады, ухоженные, просторные. Просторными должны быть и улицы — раза в два шире, чем самые лучшие лондонские. И чтобы все имели равные условия, дома в Утопии перераспределяются по жребию каждые десять лет.

Молочных рек, о которых поется в балладе об острове Кокейн, на его острове нет. Реки там обычные. Но все жители обеспечены всем необходимым. И все они равны.

…Спокойно спят в своих кроватях бюргеры города Антверпена. Им, азартно играющим на бирже, им, богатеющим на скупке и продаже сукон, кружев, земель, невдомек, о чем думает, что пишет в своей комнате среднего роста, пропорционально сложенный человек с внимательными и умными голубыми глазами.

Предрассветный ветер врывается в распахнутое настежь окно. Пора ложиться. Его утопийцы спят восемь часов. Не мешало бы и ему поспать хотя бы часа три-четыре.

[image]

3

Нет, право, о каких-то чудесах рассказывает Гитлодей!

В стране работают все! За тем, чтобы на острове все было в

изобилии, а граждане обеспечены всем необходимым, строжайшим образом следит государство.

В Европе таких государств нет. И государственная власть существует совсем для другого.

Но ведь в том-то все и дело, что в Утопии все по-иному!

Здесь даже нет денег: они не нужны. Всем все выдается безвозмездно, платой служит труд на общее благо. А из золота делают ночные горшки. И кольца для граждан, запятнавших или опозоривших себя преступлением.

Вот она снова, убийственная моровская ирония! Золото, то самое золото, погоня за которым сводит с ума всех знатных и богатых, которому молятся, как богу, из-за которого свершается столько злодеяний, войн, убийств, — для утопийцев символ позора. Из него делают сосуды для нечистот.

…Трудно поверить, но Гитлодей тому свидетель: когда к утопийцам приехали послы из соседнего государства в роскошных одеяниях, блиставших жемчугом и дорогими камнями, то дети говорили: «Вот, мама, какой большой остолоп, он все еще возится с жемчугом, как будто мальчишка». А матери отвечали: «Тихо, сынок, это, наверное, кто-нибудь из посольских шутов».

И не удивительно: в Утопии все одеваются добротно, но скромно: рабочий костюм, расхожий костюм — этого вполне достаточно. Каждая семья (а живут утопийцы большими семьями-общинами) сама изготовляет себе одежду. Работают на острове всего-навсего шесть часов.

Войны тут не в почете. Воюют утопийцы только тогда, когда защищают свои земли и земли друзей. Или для того, чтобы помочь какому-нибудь народу освободиться от ига тирана. При этом они стараются победить врага не столько в кровопролитных сражениях (ибо, «массу простого народа жалеют почти не меньше, чем своих граждан, зная, что эти люди идут на войну не по своей вине, а гонимые безумием государей»), сколько хитростью. И считают окончание войны без всякого сражения делом весьма благоразумным.

4

Люди работают шесть часов. Чему же они посвящают остальное время? Науке, отдыху, искусству, учебе. Дети учатся все, а для взрослых устраивают публичные лекции. Ты хочешь совершенствовать свое мастерство, свои знания — пожалуйста! Лекции — и на самые разнообразные темы — читают утром, до

работы, когда человек бодр и свеж. А вот прогулки, беседы, «умные игры» (азартных утопийцы не знают), игры, требующие смекалки, развивающие ум, физически полезные, — всем этим утопийцы занимаются по вечерам. Впрочем, твердых установлений насчет того, кто чем должен заниматься после работы, нет. Всяк волен выбирать себе занятие по вкусу.

Не после смерти, не в райских кущах, как учила в Англии, да и повсюду во времена Мора церковь, а на земле счастлив утопиец. И счастье это — в радости от труда, в наслаждении жизнью, в той свободе, которой обладают жители Утопии.

На острове нет ни одной наследственной должности. Все должности, имеющие отношение к управлению, выборные. Это почетные обязанности, ибо никаких преимуществ и выгод они не дают. В большинстве случаев устанавливаются определенные сроки полномочий выборных лиц. Единственная пожизненная должность — должности князя города. Но если князь захочет навязать народу свою волю, его свергнут.

«…Уголовным преступлением считается принимать решение по общественным делам помимо сената или народного собрания. Иногда дело переносится на собрание всего острова».

Кто путем происков стремится получить какую-либо должность, не получает ее. Не получает вообще никакой.

Зато достойным гражданам в память об их подвигах во славу Отечества устанавливают статуи на площадях.

Правда, в этом обществе свободных и равноправных граждан есть рабы, люди, выполняющие тяжелые, грязные работы. Это преступники, осужденные за какие-либо провинности. Или не пожелавшие сдаться военнопленные. Бедняки из других стран, которые предпочитают, стать рабами у утопийцев, чем умереть с голоду в своем стране.

Но рабы тоже собственность всего государства. И рабство не наследственно. Любой раб, если он честно трудится, может снова стать свободным.

5

Красивые, благоустроенные города. Дворцы-столовые; трудовое воспитание с юных лет. Женщины, которые работают наравне с мужчинами и наравне с ними имеют возможность свободные часы посвящать науке, искусству. Образцовые дороги. Медицинская помощь для всех — по четыре «прекрасно устроенных и преисполненных всем нужным для восстановления здоровья» больницы в каждом городе. Почет и уважение

старикам. Герб, на котором изображены орудия и плоды труда: серп, молот, колосья.

И еще одно, уже совершенно удивительное для раздираемой бесконечными церковными распрями современной Мору Европы: в Утопии — полнейшая веротерпимость. Хочешь видеть бога в солнце — твое дело. Хочешь почитать луну — пожалуйста. Хочешь поклоняться Христу — никому до этого нет никакого дела. Можешь вообще не верить ни в каких богов.

Человек должен быть и внутренне свободен. Навязывать силой свою веру, свои идеи, свою религию или оскорблять веру другого человека — преступление.

6

Целыми пригоршнями рассыпал в своей «Утопии» поистине золотые мысли Мор. За страшным ликом своего времени виделись ему другие времена и другие порядки. Разум, справедливость, свобода, братство.

Все от бога, учила церковь. Счастье и горе, богатство и нищета — все от бога. У каждого свой удел, и человек не может его изменить.

Нет, говорил в своей книге Мор. Жизнь человека — в его руках. Человек должен своей судьбой распоряжаться сам. Надо только для этого переустроить мир.

В его словах глубокая правда. Ее можно, конечно, не признавать, можно делать вид, что ее не существует. Можно вообще объявить (что, кстати, и ныне делают многие зарубежные биографы Мора) «Утопию» игрою ума безвредного чудака-фантаста.

Но вряд ли стоит доказывать, что это не так. Поистине опередив время, сумел разглядеть Мор в глубинах мрачного века ростки будущего. И он твердо верил, что его идеи дадут всходы в душах людей.

7

Всю силу властной своей любви к свободе, правде, ненависть ко лжи, насилию, неравенству вложил в «Утопию» Мор.

…Не Англию ли имел в виду Мор — такой, каком ему хотелось ее видеть, когда, повествуя о «далеком острове Утопии», насчитывал там 54 города — ровной столько же, сколько в современной ему Англии? Когда рассказывал о главном городе

Амауроте и о реке, Анадре, на которой он стоит, реке, расширяющейся перед самым городом до полумили и впадающей в океан? И о мосте, соединяющем город с противоположным берегом — не на деревянных столбах, а на прекрасных каменных арках.

Кто знает, не вспоминал ли он при этом знаменитый Лондонский мост? Известный всем мост, с его большими и малыми лавками, рынками, мастерскими.

На этом мосту возвышалась башня, на вершине которой на железных пиках выставляли головы казненных по приказу короля.

…Пройдут годы, и голова Мора тоже будет выставлена на этом мосту.

8

Но пока никому, в том числе, разумеется, и Мору, ничего подобного не может и привидеться. Лондонское купечество, которому он оказал важные услуги, чуть ли не на руках носит своего любимца. Его друзья-гуманисты в восторге от «Утопии».

Мор доволен. «Ты не знаешь, как я счастлив, как я вырос в собственных глазах, как высоко поднимаю свою голову», — писал он Эразму. А великий Эразм в одном из писем к философу Колу скажет твердо и определенно: *«Если ты не читал «Утопии» Мора, постарайся ее достать, коли хочешь посмеяться и увидеть те источники, откуда проистекает почти все зло в государстве».*

Едва успевает выйти в свет первое издание, как в конце 1516 года в Париже выходит второе. Затем третье и четвертое — в 1518 году. Она будет выходить во всех странах, эта книга, — в одних раньше, в других позже. В XVI веке, XVIII, XIX, XX!

…Летом 1517 года в Лондоне, а потом и во всей Англии вспыхивает какая-то страшная эпидемия. Люди замертво падают на улицах. Замирает деловая жизнь, королевский двор кочует из одного дворца в другой. Генрих панически боится заразиться. Обтирания уксусом, окуривания начинаются с самого утра. Окна не открывают: свежий воздух, как не без ехидства заметит Эразм, не очень в чести во дворцах английского монарха.

Мор и его семья благополучно избегают хвори. У них никто не болен, все обстоит благополучно. Со вздохом облегчения пишет он об этом в одном из своих писем.

Он еще не знает, что беда на пороге. Что вскоре он будет поставлен перед выбором, который в конечном итоге определит всю его дальнейшую судьбу.

Или, точнее сказать, будет лишен возможности выбора.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

в которой рассказывается о том, в силу каких обстоятельств Томасу Мору пришлось поступить на королевскую службу. И о том, что думал Мор, когда его назначили лорд-канцлером Англии.

1

Словно предчувствуя тот нелегкий вопрос, который ему вскоре придется разрешать наедине со своей совестью, Мор в «Утопии» приводит любопытный разговор между Гитлодеем, Эгидием и им самим.

Восхищенный познаниями и здравым смыслом речей Гитлодея, Эгидий высказывает удивление, почему Гитлодей не поступит на службу при дворе какого-нибудь короля.

«Я, — говорит он, — твердо убежден, что ты был бы там желанным и полезным человеком».

«Не хочу», — отвечает Гитлодей. И приводит много доводов. Сейчас он свободен и делает то, что хочет. Честолюбцев, которые домогаются расположения свыше, без него достаточно, и король вряд ли заметит в толпе придворных отсутствие его или двух-трех его единомышленников. А вот и основная мысль: венценосцы никогда не станут следовать советам философов.

Итак, Томас Мор с беспощадной ясностью представляет себе истинное положение вещей. Никаких иллюзий. Недаром ведь в одном из писем к Эразму он писал: «Вполне согласен с Вами, что не следует дать себя вовлечь в суетные дела королей».

Но с другой стороны: как быть? Реформы, по его мнению, должны идти сверху.

Каким образом распространилось добро в Утопии? Благодаря доброму и разумному царю Утопу. А если сам правитель недостаточно разумен, то, может быть, все-таки следует попытаться наставить его на истинный путь?

И, возражая Гитлодею (то есть самому же себе), Мор говорит: «*Если ты по своему искреннему убеждению не в силах излечить прочно вошедшие в житейский обиход пороки, то из-за этого не следует покидать государственных дел, как нельзя оставлять корабля в бурю, раз ты не можешь удержать ветров. Надо стремиться то, чего ты не можешь повернуть на хорошее, сделать, по крайней мере, возможно менее плохим».*

Да, достичь чего-либо с помощью короля трудно. Но все же это единственно возможная, по мнению Мора, попытка.

Настоящий философ, настоящий гуманист не вправе отказываться от нее. Не он ли сам в разговоре с Гитлодеем утверждал, что следует, «даже если тебе грозит известный личный ущерб, отдать свой талант и усердие на службу обществу»?

…Генрих VIII стремится привлечь ко двору все видных гуманистов: как же, он ведь «покровитель искусств и науки»! Колет, Линакр, Монтжой…

Король уже давно добивается, чтобы Мор пошел к нему на службу. Ему отлично известны и ум и деловые качества Томаса Мора. И он знает, каким влиянием тот пользуется в Лондоне.

2

Прощай, золотое время, когда Мор мог вести спокойный и мирный образ жизни, занимаясь юридической практикой, совершенствуя свои знания, общаясь с друзьями. Прощай тот образ жизни, которому он следовал, помня слова столь чтимого им в молодости философа Пико де ла Мирандола: «Наилучшее, к чему следует стремиться, что следует желать, что нужно для счастья… мой маленький дом, мои занятия, удовольствие от чтения книг… покой и мир в моей душе».

1518 год. После долгих колебаний Мор принимает предложенный ему пост докладчика прошений, поступавших на имя короля.

По этому поводу Эразм напишет: *«Августейший государь Генрих VIII не успокоился, пока не притянул его к своему двору. Почему бы мне не сказать «притянул». Ведь никто никогда не добивался настойчивее быть принятым ко двору, чем он старался избегать его».*

А сам Мор, несколько позднее, когда был посвящен в рыцари, заметит, что он с величайшей неохотой пошел на службу ко двору и чувствует себя здесь так же плохо, как скверный ездок в седле…

Начиная службу, Мор имел смелость сказать королю, что он просит лишь об одном: позволения «повиноваться сперва богу, а потом уж королю». Под богом в данном случае разумелась совесть.

Впрочем, кое-какие надежды у него все-таки были. Может быть, удастся посодействовать установлению мира в раздираемой войнами Европе? Может быть, удастся кое-что сделать и для улучшения положения дел в Англии?

3

Начинается стремительный взлет его карьеры. Докладчик прошений — это достаточно важная должность: ведь Мор не просто излагал содержание жалоб, а должен был подготавливать и сответствующие решения. Но в 1521 году его назначают хранителем казны, В 1523 году он уже председатель Палаты общин, спикер. В 1525-м — лорд-канцлер герцогства Ланкастерского.

Двор все время переезжает с места на место. И письма Мора своим детям, друзьям, письма, правда, не очень многочисленные — Мор занят сверх меры, — идут то из Вокинга, то из Гринвича, то из Кентербери, то из Ньюхалла. Дипломатические миссии, заседаний работа над новыми законами.

Беличье колесо государственных дел не мешает ему, однако, по-прежнему живо интересоваться занятиями и делами своих детей. Советы его нередко облечены в шутливую форму. Смысл их, однако, во всех случаях достаточно серьезен.

День должен быть строго распределен. Больше читать! Не только гуманитарные знания — соответствующее место в занятиях следует уделять астрономии, математике и естественным наукам.

Война мелочному тщеславию, честолюбивым помыслам и жажде богатств! «Не следует уподобляться тем карьеристам, которые стремятся занять пост покрупней для того, чтобы навязывать свою волю и контролировать других, а самим оставаться при этом бесконтрольными». Пусть высокое положение отца не кружит голову никому в семье. Томас Мор все так же прост, благожелателен к добру и нетерпим ко злу, как и раньше.

4

Потолок в Палате общин был низкий, Мору хорошо знаком этот длинный прямоугольный зал с двумя небольшими окнами и отполированными до блеска простыми дубовыми скамьями. Здесь когда-то с искаженным от страха лицом его пытался остановить испугавшийся за свою карьеру спикер.

Теперь на мешке с шерстью восседает Томас Мор. И в его обязанности входит докладывать палате о подготавливаемых законопроектах.

Как и каждый член палаты, Мор имеет право высказать свое мнение. Предполагается, что это мнение не должно противоречить королевской воле.

…Снова, как и много лет назад, палате предлагают утвердить «дары» королю. Генрих VIII в отличие от своего отца уже давно не задумывается над предлогами для получения денег. Нужен дар — вот и все. И с каждым годом все больший.

В зале — могущественный лорд-канцлер Вулси. Он буквально не верит своим ушам, когда первым против того, чтобы побор был увеличен по сравнению с предыдущим годом, выступает Томас Мор.

Палата поддерживает своего председателя.

5

Взбешенный Вулси докладывает о происшествии королю.

Генрих понимает: Мор своим поступком снискал еще большую популярность у горожан и усилил свое влияние в палате. Не пора ли избавиться от строптивого спикера?

Именно этого и добивается Вулси. Он отлично помнит, что не кто иной, как Мор, в свое время провалил его проект об учреждении должности главного констебля (канцлер хотел получить еще один источник дохода, рассчитывая, что должность эту займет, конечно, он).

— Вы глупый и сумасбродный советник! — рассвирепев, крикнул Мору канцлер.

Томас Мор спокойно посмотрел в лицо обидчику и громко, так, чтобы слышали все, ответил:

— Слава богу, что у короля в совете оказался всего лишь один дурак, это должно вас радовать, господ дин канцлер.

6

Под предлогом неотложных и важных переговоров Мору предлагают отправиться послом в Испанию. Внешне все обстоит благополучно: должность достаточно высокая. Но что делать в Испании Мору?

Он отказывается: тамошний климат ему вреден.

…Королю еще нужен Мор. Он вынужден отступить. Он даже делает вид, что ничего, собственно, не произошло. Иногда он даже приезжает в Челси, деревушку неподалеку от Лондона, где в 1524 году Мор отстроил себе дом, запросто обедает, гуляет с ним чуть ли не в обнимку по саду. Ведет длительные беседы. Назначает Мора (с поста председателя Палаты общин его все-таки снимают) лорд-канцлером герцогства Ланкастер.

Томас Мор не обольщается всеми этими знаками внимания. Он давно уже знает цену своему повелителю. Зятю Роперу, мужу Мэг, он говорит:

— Король не задумываясь пожертвовал бы моей головой, если бы мог этой ценой прибавить к своим многочисленным дворцам и замкам еще хоть бы один ничтожный замок во Франции.

[image]

Проходит еще несколько лет. В 1529 году Мор отправляется в Камбрэ, во Францию. Здесь будет заключен мир между Испанией, с одной стороны, Англией и Францией — с другой. Мор и на этот раз блестяще справляется с заданием: мир заключен на значительно более выгодных для Англии условиях, чем можно было ожидать.

В том же году Вулси попадает в немилость.

На его место король назначает Мора.

Лорд-канцлер — это главный королевский чиновник. Ему подведомственны все административные и судебные дела.

7

И вот Мор, первый мирянин, назначенный на должность, которую по традиции занимали представители, высшего духовенства, торжественно шествует через Вестминстерский зал к своему кабинету, сопровождаемый герцогами Норфолком и Суффолком, двумя самыми главными царедворцами.

О чем думает Мор? Вот его подлинные слова: «Я считаю это кресло местом, полным опасностей и трудов и далеко не слишком почетным. Чем выше место, тем сильнее падение с него… Если бы не милость короля, то я считал бы свое место столь же приятным, сколь Дамоклу нравился меч, висевший над его головой».[2]

Сказано более чем определенно. Нет, этот человек положительно не создан для славы, во всяком случае, такой, какой себе ее представляли почти все его современники.

И уж кто-кто, а Томас Мор отдает себе полный отчет, в какой страшный для Англии час его назначают лорд-канцлером.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

из которой становится ясным, кто такая Анна Болейн, и в которой рассказывается о заманчивых идеях короля Генриха VIII Тюдора

1

В 1521 году некая юная девица становится одной из фрейлин жены Генриха — королевы Екатерины. Девице едва минуло двадцать лет, и если она не слишком красива, то, во всяком случае, достаточно привлекательна, жива, остроумна. И как покажет будущее, очень и очень себе на уме.

Зовут девицу Анна Болейн.

Проходит какое-то время, и она попадается на глаза Генриху.

Увлечение принимает все более серьезный характер. Генрих решает развестись со своей женой и сделать королевой Анну.

Только ли любовь? О нет, все гораздо сложнее.

Когда-то в юности брак с Екатериной скреплял союз с Испанией. С той поры многое переменилось в мире. Состарилась Екатерина, так и не подарив Генриху наследника престола. В семье одна лишь дочь Мария, которая впоследствии приобретает известность под именем Марии Кровавой. Изменились и отношения с Испанией: объединенная в руках Карла V с владениями Габсбургов в одну невиданно огромную империю, она стала слишком могущественной и потому опасной. Она — соперник, и уже начинается эра отчаянной англо-испанской борьбы, которая закончится гибелью Великой армады и постепенным вытеснением Испании с занятый ею позиций. Конечно, все это произойдет полстолетием позже, но начинается эта борьба не на жизнь, а на смерть уже сейчас. И следовательно, брак с Екатериной теряет свой политический смысл.

Вообще-то Генриху было бы выгодно (этого мнения придерживался и бывший канцлер Вулси) жениться, если уж расторгать брак с Екатериной, на какой-нибудь французской принцессе. Франция все более из векового врага превращается в возможного союзника для борьбы с империей.

Но тут-то выясняется, что Генриху не до французских принцесс, он хочет взять в жены Болейн. А для этого надо разойтись с Екатериной.

Для развода нужен повод. И разрешить развод должен

римский папа. Женитьба на жене покойного брата Генриху тоже была разрешена в свое время специальной буллой папы Юлия II.

Генрих принимается доказывать, что брак его незаконный. Нельзя было ему жениться на жене брата, И одновременно начинает прощупывать почву: даст ли ему новый папа, на сей раз Климент VII, необходимый развод.

Но папа в зависимости от Карла V. А тот и слышать не хочет о разводе: Екатерина приходится ему родной теткой.

Генрих пытается уговорить папу с помощью богословских рассуждений о «грехе», в котором он якобы живет уже 18 лет, пробует подкупить его, призывает на помощь духовенство своей страны.

Но какое там! За те десять лет, что прошли с того времени, как немецкий монах Мартин Лютер прибил гвоздями на дверях церкви Виттенбергского университета свои вошедшие в историю тезисы, чуть не целые государства поднимают знамя восстания против папской власти. Ссориться с поддерживающим католичество могущественным императором Карлом V папе никак не с руки.

2

Еще недавно Генрих VIII полностью выступал на стороне папы. Он даже сочинил богословский памфлет, направленный против Лютера, в котором бранных слов против «возмутителя спокойствия» было ничуть не меньше, чем в ответе, полученном им в свою очередь от Лютера.

Но теперь у него перед глазами пример многих немецких князьков, для которых реформация означала в первую очередь возможность поживиться за счет отнятых у католической церкви земель и имуществ. К тому же он крайне недоволен позицией, занятой папой по вопросу о его бракоразводном деле. И Генрих все чаще начинает задумываться над одним весьма далеко идущим планом.

А что, если вообще разорвать все отношения с папой? Отказать ему в высшей духовной власти над страной? И объявить себя верховным церковным владыкой страны?

Какая заманчивая идея! Во-первых, он усиливает свою власть. Он будет и светским и духовным правителем. А главное — какой прекрасный новый источник дохода!

Королю перейдет право назначения на все церковные должности. В его казну поступят аннаты — доходы первого года за ту или иную церковную должность. И десятую часть своих

доходов английское духовенство тоже будет платить королю…

[image]

А ведь есть еще монастырские земли! Вот где — зачем искать его за морями? — Эльдорадо для королевской казны!

Шаг достаточно серьезный! Но план-то куда как хорош! Тем более что Англия не так уж тесно связана с папством.

И кстати, еще один довод в пользу развода с Екатериной. Это поможет вернее и «законнее» освободиться от Рима.

Человека, который целиком поддерживает этот план, зовут Кромвель. Томас Кромвель. Начинал он свою службу у Вулси. Сейчас он секретарь короля.

3

Мору ясно: реформация резко ухудшит положение крестьян, увеличит число бродяг и нищих и обогатит придворных и спекулянтов. Она усилит все те недуги, которые он так беспощадно и яростно осудил в «Утопии».

И одновременно приведет к усилению тиранической власти короля.

Против этого он тоже восставал в «Утопии».

4

Из «Письма к монаху» Томаса Мора: *«Правда колет глаза и создает врагов».*

Разбирая тяжбу одного из лендлордов со своими крестьянами, Мор пишет: *«Несчастные крестьяне — жертвы существующей аграрной политики».*

Владелец поместья доводит это до сведения короля.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

в какой-то степени предшествующая первой и в которой рассказывается о решении, принятом Томасом Мором

1

Идти на службу к королю или нет? Так когда-то стоял вопрос перед Мором.

Оставаться при дворе или уйти? Ибо то, что происходит в стране, идет вразрез с мыслями и чувствами Мора, — так будет стоять этот вопрос перед ним все три очень долгих, тяжких года канцлерства.

«Нельзя покидать корабль в бурю…» Но Мору внушала отвращение вся грязная возня вокруг развода короля и его женитьбы на Анне Болейн. Он должен был скреплять своей подписью и печатью законы, с которыми не могла примириться его честная и прямая душа. Ему пришлось по приказанию Генриха зачитывать в Палате общин суждения университетов — французских, итальянских (за них король не пожалел денег), Оксфорда и Кэмбриджа — здесь уже было пущено в ход прямое запугивание. И суждения эти сводились к одному: король имеет право развестись. В крайнем случае и без разрешения папы.

«Нельзя покидать корабль в бурю…» Но если капитан безумен и нет никаких надежд, что его можно вразумить? Если, оставаясь на борту корабля, Мор должен все больше и больше становиться соучастником и даже прямым исполнителем деяний, которые он не только не одобряет, а считает вредными для страны? Деяний, которые не имеют ничего общего с его идеями, идеалами. Если он все больше должен служить не нации, а прислуживать королю?

…Когда-то в одной из своих юношеских эпиграмм Мор писал:

Что значит добрым быть царем?
Он пастырь, пес он верный,
Волкам опасный; злой же князь
Скорее волку сам подобен.

Овечья шкура, в которую так любил рядиться Генрих VIII, давно уже не скрывала его волчьей сути.

2

В «Утопии» Мор писал: нельзя насильно навязывать новые и необычные суждения людям, держащимся противоположных убеждений…

Ненасытная алчность отдельных лиц, о которой он тоже писал в «Утопии», все увеличивается.

…Мор был лорд-канцлер, и он был бессилен. Бессилен, что-либо изменить в государстве, о котором не бег основания сообщал один из послов: *«В настоящее время народ в такой узде и в таком страхе, десница власти столь тяжела, что никто — знатный или из простого люда — не отваживается хотя бы единым словом выразить свое недовольство».*

Тайная полиция, шпионы, провокаторы, действия которых придется испытать и самому Томасу Мору, становятся одной из главных опор режима: достаточно порыться в государственных архивах того времени, чтобы убедиться, как много людей представали перед судилищами на основании всяких самых вздорных, лживых обвинений.

[image]

Охваченные страхом за собственные судьбы или обольщенные надеждами, что именно они пользуются доверием государя, развращенные жадностью или ослепленные «величием» Генриха, царедворцы и парламентарии восхваляют его деяния и послушно исполняют его волю.

Угодливые придворные и угодливый парламент пляшут под дудку короля. Они подготавливают и утверждают все, что хочет Генрих. В том числе и развод и разрыв с папской властью, за которым стоит зловещее усиление власти короля…

Ну что ж, значит пора ему, Томасу Мору, уходить. Пятнадцать лет он не покидал корабль, который трепала буря.

Теперь надо было уходить. Оставаться дальше при дворе означало поступиться честью.

3

Дамоклов меч, о котором говорил Мор при своем вступлении на пост канцлера, держался на очень тонком волоске. Волосок этот находился в руках короля…

Но пока что король довольно спокойно принимает его отставку. Он даже милостиво треплет по плечу своего «старого

друга» и делает вид, будто верит, что отставка вызвана болезнью. Он даже выражает сожаление. Но если сэр Томас Мор решил, если плохо со здоровьем… Что поделаешь, жаль, жаль.

Идет 1532 год. Май месяц, шестнадцатое число.

…Спешить было некуда, и потому Мор спокойно дождался конца службы. Как всегда, он в скромной одежде, этот уже немолодой человек, еще по-прежнему подтянутый и без единого седого волоска в пышной темнозолотистой шевелюре.

Подойдя к жене, он говорит: «Господин канцлер ушел. Совсем ушел».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

в которой рассказывается о бракосочетании Генриха VIII, о том, как Томас Мор вернул Анне Болейн 20 фунтов стерлингов, и о том, что яд законов ненаказуем

1

А в мире и при дворе все идет своим чередом. После того, как новый архиепископ Кранмер, послушно исполняя волю своего короля, расторг брак Генриха с Екатериной, папа объявил решение Кранмера незаконным. Генрих в ответ наложил запрет на папские доходы в Англии, на анналы. Удар нанесен в самое уязвимое место. Ответить тем же папа не может. Поэтому под угрозой церковного проклятия он специальной буллой объявляет, что до тех пор, пока вопрос о разводе не будет решен Римом, Генрих не имеет права жениться на Анне.

Но папа далеко, и цена его проклятий не очень велика. Тем более что парламент охотно признает Анну королевой и к моменту опубликования папского указа свадьба уже сыграна.

…Таких торжественных приготовлений Лондон еще не видел. Все улицы, по которым проедет свадебный поезд, посыпают свежим гравием. Дома украшают гобеленами, золототканым шелком и пурпуром. Воздвигаются арки. Коронация назначена на Троицын день, на воскресенье. Но празднество начинается уже в четверг. В этот день Анна с утра разодета в пух и прах. В три часа в ее покоях в Гринвиче появляется король. Когда-то в молодости он был стройным и элегантным. Сейчас он толст, одутловат. Он подает Анне руку, для того чтобы в торжественном шествии пройти вместе с ней к Темзе, где ожидает высоких гостей разукрашенная флагами королевская барка.

[image]

2

Во главе целой флотилии медленно скользит по реке красавица барка. На палубе два кресла. В одном из них король Англии, в другом — его будущая жена.

Путь в Тауэр. Здесь, по обычаю, должна провести оставшиеся дни перед свадьбой маркиза Пемброк, как пока именуется Анна Болейн.

Медленно скользит по волнам корабль. Гребцы слаженно опускают в воду весла. На корме — два пестро разодетых герольда трубят в трубы: Лондон должен знать, что происходит.

Вот уж знаменитый Лондонский мост, густо застроенный высокими и низкими домами.

На мосту, на берегах Темзы — народ.

Все ближе, ближе громада Тауэра, старого королевского дворца-крепости, что возвышается на северном берегу Темзы.

Дворец с анфиладой роскошных залов, но одновременно и тюрьма. Ибо не было человека в Англии, который бы не знал, что именно здесь, в Тауэре, в сырых и холодных камерах одиннадцати башен с узкими окошками-бойницами, томятся те, кого король считает особо важными государственными преступниками. Сколько их перебывало тут, жертв королевского произвола, осужденных послушными судьями?

Этого никто не знает. Кроме короля и сэра Уильяма Кингстона, коменданта Тауэра.

…Среди тех, кто в воскресенье не будет присутствовать на торжествах коронации, кто спокойно сидит у себя дома, в то время как под высоким балдахином в позолоченном кресле, далеко видная окрест, едет по лондонским улицам Анна Болейн (король на коне рядом с ней), а за ними пешком шествуют все высшие придворные — Одли, назначенный лорд-канцлером, и архиепископ Кранмер, а чуть сзади герцоги Суффолк и Норфолк и остальные царедворцы; среди тех, кто не будет присутствовать в Вестминстерском дворце и не увидит церемонию бракосочетания, — Томас Мор.

Правда, его приглашали. Анна Болейн даже прислала ему двадцать фунтов стерлингов, чтобы он мог для участия в церемонии приобрести себе особенно роскошный костюм.

Мор отказался от денег. И отказался приехать в Лондон.

Он — частное лицо. Всего лишь частное лицо.

3

В столице распевают нехитрую песенку:

При канцлере сэр Томас Море
В судах дела решались споро.
Такое видеть не удел,

Пока сэр Томас не у дел.

4

Конфликт между папой и королем углубляется.

Хитроумный Генрих делает вид, что он предпринимает все, дабы не поссориться окончательно с папой.

Вина за все происходящее должна лежать на римском первосвященнике. Но не надо торопить события. Пусть все убедятся, что у Генриха нет другого выхода, что есть предел оскорблениям его величества.

Ну, а что касается той книги, которую он несколько лет назад написал против Лютера, выступая ярым защитником папства и католической веры (папа даже в награду объявил его «защитником веры»), то книгу эту всякими хитростями подбил его написать Томас Мор.

Мор действительно не жалует Лютера и вообще еретиков-протестантов. Главным образом потому, что его не устраивал призыв Лютера к простому люду самостоятельно решать те вопросы, которые, как считал Мор, были недоступны пониманию масс. И он считал, что Лютер несет смуту в народ, подстрекая его к неповиновению властям.

Правда, во время Крестьянской войны в Германии, Лютер, показал свое истинное лицо. Он писал тогда, что восставших крестьян надо бить, душить, колоть, вешать.

Сэр Томас Мор думает, что не надо доводить народ до восстаний. Бунт против правителей? Этому Мор, как и многие другие гуманисты, сочувствовать не мог.

И он считал, что лучше произвести реформы в папстве, чем упразднять его совершенно. По его мнению, верховенство папы в делах веры следует сохранить.

Но, с другой стороны, ведь именно Мор, просматривая книгу короля, обратил внимание Генриха VIII, что не стоит подчеркивать абсолютный авторитет папы в вопросах религии. Именно он предложил Генриху VIII исключить данный пункт или касаться его более осторожно.

Что теперь Генриху до этого! В глазах подданных государь должен быть всегда прав. А если даже и совершаются какие-то ошибки, то, конечно, вопреки воле владыки, как результат плохих советов или действий его помощников.

Деспотам и тиранам всегда нужны такие «помощники».

И устрашающие примеры тоже.

Если для них нет поводов, повод выдумывают.

…Все чаще возвращается в мыслях Генрих к своему бывшему канцлеру.

Генрих VIII никогда ничего не прощает. И он не терпит никакого инакомыслия.

5

Анна Болейн под стать ему. Она хищна, как хорек, эта хитрая бестия, таки добившаяся короны и, конечно, земель, денег, титулов для своего отца и своего брата. Она еще не знает, что власть ее кратковременна, что чары уже на исходе и не так уж далек день, когда возлюбленный супруг отправит на тот свет и ее брата и ее саму, а двумя часами позже женится в очередной раз.

Анна Болейн тоже никогда никому ничего не прощает.

То, что Томас Мор, этот влиятельный в стране человек, не только не помог ей, а фактически выступил против нее, уже более чем достаточно, чтобы она возненавидела его.

Теперь он даже не соизволил присутствовать на церемонии коронации.

6

…Решение было принято, и пути назад не было. Нет, он не хотел стоять в стороне от забот своего времени, он не хотел перекладывать их на чьи-то плечи, созерцательно размышляя о добре и зле. Пятнадцать лет, трезво смотря в лицо опасности, пусть иногда ошибаясь, пусть чего-то недопонимая, он пытался хоть как-то улучшить дела. И быть может, все-таки не все его советы, не все его поступки были безрезультатны.

Он боролся. Он и сейчас продолжает борьбу.

Игра стоила свеч. Она не окончена. Вполне возможно, что она может окончиться его гибелью. Гибелью его, но не его принципов.

7

Внешне Мор спокоен. Он живет в своем скромном доме, по-прежнему шутлив и благожелателен, внимателен к своим многочисленным чадам и домочадцам — время бежит, все его дети выросли, повыходили замуж, поженились, народили внуков… Жаль, что нет уже в живых отца, к которому он, даже

будучи лорд-канцлером, ежедневно заходил испросить благословения на труд, почтить его своим вниманием.

Теперь потуже стало с деньгами. Но жить можно. Были бы книги, друзья, семья, была бы возможность размышлять, писать.

…Рабочая комната Мора в маленьком флигельке в глубине сада уютна и располагает к работе. Полки с книгами. Стол. Два стула. Здесь спокойно, удобно.

В свободные минуты Томас Мор охотно принимает участие в забавах своих внуков.

8

Во дворце понимают: как бы тихо ни сидел в своем имении Томас Мор, как бы внешне он ни был отрешен от всего происходящего сейчас в Англии, сам факт его ухода со службы, его нежелание появляться при дворе — осуждение. При желании его позицию можно рассматривать и как вызов…

Но этот Мор пользуется огромной популярностью. Он, быть может, самый выдающийся ученый в не слишком богатой учеными стране. Он непререкаемый авторитет в среде лондонской буржуазии. Его любят и уважают в парламенте. Он вообще всеевропейская знаменитость, Мор.

Смелости, честности, незапятнанной репутации должны быть противопоставлены силки интриг, вероломство, клевета.

Только не надо спешить. Для того чтобы сокрушить. Мора, нужно время. Оно покажет, как действовать.

Обвинить его в прямой измене нет пока никаких оснований. А впрочем… Отравление ядом в Англии наказуемо по закону, но яд законов ненаказуем. Нужно только сыскать соответствующие пункты обвинения. В крайнем случае они могут быть и ложными.

9

В Челси «дама Алиса» говорит внучатам:

— Вас интересует, отчего собачонка, с которой вы играете, дорога мне втройне? Очень просто: ваш дед заплатил за нее втрое больше денег, чем следовало.

— Почему же? — чуть ли не хором спрашивают Чарли и Мэйбел, Китти и Том.

— Такой уж он человек, — с улыбкой отвечает она. — Я купила собачонку по случаю. А потом дело дошло до суда: хозяйка, у которой ее, как оказалось, выкрали, подала на меня

жалобу. Жалоба попала к сэру Томасу: он был тогда лорд-канцлером. Вызывает он нас обеих, меня и эту женщину. Предупредил, чтобы я привела и собачку. Попросил сесть в разных углах зала. А сам взял собачонку на руки. «Покличьте-ка ее, пожалуйста», — говорит. Ну я и кричу: «Снайп, Снайп, сюда!»

«Гейк, ко мне!» — крикнула женщина. Пес, соскочив, тут же бросился к ней.

«Все ясно, — сказал ваш дед. — Жалоба справедлива. Собаку надо вернуть хозяйке».

«Но… я же, когда ее покупала, не знала, что она краденая», — сказала я.

«Теперь вы в этом убедились, — ответил сэр Томас. — И если вы так привязались к собаке, попробуйте уговорить хозяйку продать ее. Это единственный выход».

— Ну и, — заканчивает рассказ незаметно подошедшая Мэг, — собака была куплена еще раз. А ее хозяйке, женщине бедной, ваш дед заплатил втрое больше, чем она просила.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

из которой становится ясным, что отложить дело не значит его отменить

1

По Лондону распускают странные слухи. Достоверно-де известно, что, когда Мор был канцлером, он брал взятки. И что, следовательно, его честность и неподкупность — всего лишь легенда.

От Мора требуют объяснений. Получил он от одной дамы деньги и перчатки?

— Да, — отвечает Мор. — Перчатки я оставил себе, это верно. Мне не хотелось оскорбить отказом женщину, она их сама вязала. А деньги не взял — и это легко проверить.

— Допустим, — говорят ему. — Но золотую чашу дорогой чеканной работы, которую вам преподнес один джентльмен, вы оставили у себя, мы это знаем точно.

— Верно, — отвечает Мор. — Оставил. Она очень красивая. Но я дал дарителю чашу значительно более дорогую. Тому есть свидетели. Можете вызвать в суд и человека, с которым я обменялся подарками. Он живет неподалеку, много времени это не займет.

— Святая правда, — подтверждает джентльмен. — Та чаша, которую мне подарил Мор, — вот она перед вами, господа судьи, — намного дороже моей.

Все? Нет. У суда есть сведения, что Мору преподнесли еще один кубок и что сэр Томас решил дело в пользу дарителя.

— Да, — подтверждает Мор. — Было. Только кубок я получил не до процесса, а значительно позже, в качестве новогоднего подарка.

— Но ведь это, — отвечают ему (и как юристу сия должно быть Мору хорошо известно), — не является смягчающим обстоятельством. Следовательно, вы признаете себя виновным?

— Нет, почему же? Вы просто не дали мне закончить, — говорит Мор. — Кубок я взял. И велел наполнить его вином. Затем я выпил за здоровье дарителя — он был человек честный и угодил в тюрьму по навету клеветника. Кубок наполнили вином еще раз: дарители выпил за мое здоровье. А затем, вежливо поблагодарив, я вернул ему его подарок.

Свидетели это подтверждают.

Дело кончается ничем.

2

Одновременно выдвигаются два новых обвинения.

Королю докладывают: в Кентербери нашла себе приют Элизабет Бэртон, бывшая служанка некоего Томаса Кобба. Та самая, что приобрела известность как ясновидящая, чуть ли не как святая.

— Ну и что же? — спрашивает король.

— Эта самая Бэртон, которой оказывали покровительство многие высокопоставленные отцы английском церкви, сейчас яростно выступает в защиту папства! И она даже имела дерзость пророчествовать, что, если король расторгнет свой брак с Екатериной и женится вторично, он долго не проживет. Не проживет и месяца.

Генрих не слишком суеверен и не очень-то склонен придавать значение бредням всяких кликуш. К тому же со дня пророчества минуло уже восемь месяцев. Он жив, здоров, а его супруга собирается подарить ему и Англии наследника (о том, что это снова может быть наследница, он не хочет и думать, хотя именно так оно и будет). И все-таки ему как-то не по себе. Он становится еще более серьезным, когда Кромвель тихо, но, как всегда, внушительно поясняет: монахиня высказывает вслух то, чего многие желают. Она — своего рода глас противников политики его величества. Смотрите: ее сделали монахиней не где-либо, а в знаменитом Кентербери. Ей покровительствует некий доктор богословия Бокинг. Он и другие приложили немало усилий, чтобы слава о «святой девушке из Кента» распространилась по всей Англии. Чуть ли не толпами отправляются к ней жаждущие исцелиться, и ее неистовым прорицаниям придают все больше веры.

3

Противники его политики? Таковых в Англии не должно быть! Вопрос о том, что страна порывает с папством, уже решен. Папы вообще нет, есть только «римский епископ». Значит, надо выбить дурь из голов тех, кто смеет ему противостоять. Еще лучше — снять им вообще головы, чтоб другим неповадно было.

— Тем более, — поддакивает Кромвель, — что в стране

неспокойно. Далеко не всех устраивают новые порядки. Король, говорят, в руках злых советников, еретиков, которые вовлекли его в борьбу со святой католической церковью. Кто знает, не явится ли графство Кент центром открытого мятежа, не поднимутся ли против короля возбужденные речами и пророчествами этой Бэртон, противники реформации?

— Под суд! — кричит король. — Немедленно под суд. И монахиню и тех, кто ей покровительствует!

— А известно ли его величеству, — по-прежнему тихо говорит Кромвель, — что, кроме епископа Фишера, в тайной связи с Бокингом и, следовательно, с Бэртон состоит сэр Томас Мор? Во всяком случае, не составляет тайны, что Томас Мор полтора года назад вел с ней долгую беседу.

Это еще не все. Он, Кромвель, недавно выпустил книгу, в которой объяснял политику Генриха и утверждал, что она единственно правильная. Но вот — и он протягивает королю — другая книга. В ней резкая критика политики его величества. В ней говорится, что эта политика вредна и опасна. Кто хоть когда-нибудь читал книги Мора, вряд ли может сомневаться в том, что только он может быть ее автором.

Король листает книгу. Да, стиль Мора местами подделан неплохо. Встречаются в чуть видоизмененной форме истинные его изречения и мысли, высказанные в других сочинениях — здесь им придан соответствующий смысл.

Надо отдать должное Кромвелю. Он старается Он очень старается.

Теперь, пожалуй, можно возбудить против Мора дело по обвинению в государственной измене. Но как все-таки доказать, что он опубликовал эту книгу?

Мор не отрицает: он действительно беседовал с «чудотворицей» из Кента. О ней говорили, что она занимается чудодейственными исцелениями, и он не мог не заинтересоваться подобным явлением. И убедился, что все это ерунда, что она душевнобольная. Тем более странным является обвинение, что он может хоть каким-то образом верить ее прорицаниям и поддерживать ее. Все это выдумки, и у его врагов нет и не может быть никаких доказательств.

Книга?

На таком жалком английском Томас Мор не пишет! Верно, кое-где его стиль подделан более удачно, но вообще-то фальшивка осталась фальшивкой. И он готов это доказать в любом суде.

Имя его еще настолько высоко ценится, что даже обласканный королевскими милостями архиепископ Кранмер, рискуя вызвать гнев короля, высказывается против привлечения Мора к суду. И называет обвинение необоснованным. Объявить государственным преступником человека, который был много лет одним из самых близких советников короля? Хорошо ли это будет? Государственным преступником — человека, написавшего «Утопию»? Эту забавную и занятную книгу, которая приобрела такую известность!

Разговор происходит в присутствии Кромвеля. Приемистый, коротконогий, с лицом бульдога и холодной душой карьериста, он достает из ящика книгу (она все еще не вышла на английском языке) и, медленно переводя, читает:

«Если какой-нибудь правитель вызывает у своих подданных такое презрение или ненависть, что может удержать их в повиновении, только действуя оскорблениями, грабежом и конфискацией и доводя людей до нищенства, то ему, конечно, лучше будет отказаться от королевства, чем удерживать его такими средствами… — Он переворачивает несколько страниц и продолжает: — *Пусть бог накажет меня, если я обнаружил хотя бы в одном из современных государств какие-нибудь следы права и справедливости».*

Читали ли вы «Утопию», милорд? Может быть, вы тогда помните и это место: *«При неоднократном и внимательном созерцании всех процветающих ныне государств я могу клятвенно утверждать, что они представляются не чем иным, как неким заговором богачей, ратующих под именем и вывеской государства о своих личных выгодах…»*

Кромвель знает, что подливает масло в огонь. Но в этом-то как раз его цель. Он знает, что делает.

Генрих VIII становится багровым. Его маленький рот перекошен, заплывшие глазки готовы, кажется, выскочить из орбит.

Кранмер молчит. Что еще ему остается делать?

6

И все же, несмотря на все старания Кромвеля, парламент, который, казалось, так старательно исполнял все королевские прихоти, на сей раз противится Генриху. Он считает вину Мора недоказанной. Он не может всерьез принять версию о соучастии Мора в деле кентской монахини. И дает свое согласие на билль, осуждающий Бэртон и еще шестерых лиц только при том условии,

что из списка будет вычеркнуто имя Томаса Мора.

…Борьба продолжается. Когда старшая дочь Мора, любимая Мэг, стала целовать и поздравлять отца, Мор с грустью посмотрел на нее.

— Отложить дело — не значит его отменить, — сказал он.

Несколько мыслей из предъявленной ему фальшивки он однажды высказал королю. Только ему, никому больше. От кого же узнал об этом тот, кто изготовлял памфлет?

Король хочет его гибели. Король и королева — его прямые враги. Это теперь ясно.

7

Приятель Мора, крупный торговец Бонвизи, предлагает помочь ему уехать из Англии.

— Парламент один раз вас защитил, — говорит он. — Стоит ли испытывать судьбу вторично?

— Я остаюсь, — отвечает Мор.

8

— Вы же не написали, — говорит ему Мэг, — ни строчки, направленной лично против короля. За что вас преследуют?

— Я писатель, — отвечает Мор. — Видишь ли, Мэг, чтобы попасть в немилость к королю, вовсе не обязательно открыто выступать против него.

9

В тиши своего кабинета Генрих обдумывает создавшееся положение. Следует надеяться, что это в последний раз в его царствование парламент посмел не выполнить волю монарха. Нет, он не распустит его. Зачем идти против традиции? Зачем вызывать недовольство?

Надо сделать иначе: лишить парламент какого-либо значения. Еще немного, и он, Генрих, будет еще более богат и, следовательно, почти независим от парламента. Зависеть от него — и еще как — будут члены парламента. Все эти толстосумы и сельские джентльмены, наживающиеся на овечьей шерсти, думают только об одном: как бы еще приумножить свои богатства. Он предоставит им эту возможность. Отныне это будет

зависеть от него, кому дарить и продавать те земли, что он отнимет у церкви.

Ну, а что касается Мора, то его молчаливый протест будет сломлен.

Вторично король не промахнется. Либо Мор признает его волю, либо он умрет.

А ведь этот человек, если бы только захотел, мог бы купаться в золоте!

10

Духовенство предлагает Мору в дар значительную сумму денег.

Мор отказывается ее принять.

11

Подданным английского короля объявляется: его величество позаботился о переустройстве церкви. А также о целом ряде других дел.

Решение короля закрепляется новыми законами, со ставленными в решительных тонах. Это услужливо делает новый канцлер, Одли.

Итак, сначала новый закон о престолонаследии.

Он подтверждает королевские права Анны Болейн и ее потомства. И билль, согласно которому все должны принести присягу верности этому закону. Король признается единственным властителем страны — светским и духовным. Все его подданные обязаны отречься от папской власти и дать соответствующую клятву.

Март 1534 года.

Каждый подданный персонально должен произнести эту клятву в присутствии особой комиссии. А тот, кто не захочет это сделать, тот, кого не устраивает весь закон или какая-нибудь его часть, будет рассматриваться как враг, как государственный преступник.

Одновременно в стране усиливается и кровавое законодательство, направленное против нищих и бродяг. Уже по акту 1530 года бродяг наказывали плетьми и заключали в тюрьмы. Теперь закон таков: тому, кто вторично попадается в бродяжничестве, отрезают половину уха. На третий раз он должен быть казнен как тяжкий преступник и враг общества.

Бедность и вольномыслие — в колодки. Богатству, лицемерию, ханжеству, рабской приниженности — почет!

12

13 апреля 1534 года Мора вызывают в специальную комиссию. Собственно говоря, в письме, которое ему было вручено за день до этого, его приглашал посетить дворец в Ламбете только архиепископ Кранмер. Но король вовремя позаботился, чтобы при разговоре присутствовали еще двое: Кромвель и герцог Суффолк.

Свидание назначено на одиннадцать часов. В десять — Кранмер уже успел облачиться в свою роскошную лиловато-синюю шелковую рясу — он получает запечатанный пакет от короля: его преосвященству будет, наверное, легче вести разговор в присутствии еще двоих свидетелей.

[image]

Это означает одно: король знает о тайной симпатии Кранмера к Мору. И принимает все меры, чтобы Кранмер вел чисто официальный разговор.

Он длится долго, этот разговор. В основном это диалог между Кранмером и Мором. Кромвель и Суффолк не вмешиваются. Их долг — слушать и обо всем донести королю.

…Здесь, в Ламбете, Мор когда-то провел незабываемые годы во времена Мортона. Теперь сорок лет спустя он сидит в бывшем кабинете Мортона перед людьми, из коих по меньшей мере один его смертельный враг. И он должен слушать осторожные речи скованного присутствием соглядатаев Кранмера, пытающегося уговорить сделать то, что противоречит его, Мора, убеждениям. И вновь объяснять свою позицию, твердо зная, что каждое неосторожное слово будет ему тут же поставлено в вину. Твердо зная, что Кромвель только и ждет, чтобы он высказал мысли, осуждающие короля или его политику.

Но Мор и не думает об этом говорить. Спокойно выслушивает он Кранмера, спокойно читает покрытый четкой вязью букв пергамент с текстом присяги — может быть, сэр Томас Мор, ведущий отшельнический образ жизни, не имел возможности раньше с ней ознакомиться?

Неспешно возвращает он документ Кранмеру.

— Я ничего не могу возразить, — говорит он, — против присяги в верности новому закону о престолонаследии. Я готов

подписать ее, но я не могу подписать клятву, отрицающую власть папы.

Иными словами, он против реформации.

Почему? Мор не вдается в подробности. Все равно его здесь не поймут. Он говорит просто:

— Это не согласуется с голосом моей совести. Вот так: мне это запрещает совесть.

(Посмеет ли король осудить его за то, что относится к вопросу совести? И на основании какого закона?)

Это единственно возможная позиция в борьбе. Но одновременно и принципиальное убеждение Мора. Никто не имеет права вмешиваться во внутренние убеждении другого человека, тем более насильно навязывать ему свои. Тот, кто это делает, — неприкрытый тиран.

13

Мора продолжают уговаривать. Не хочет же он противопоставить свое мнение «мудрости всей нации»? Мнению парламента и совета королевства? Наконец речь идет о законе, утвержденном, как и полагается, парламентом. Все подписали этот акт, во всяком случае, огромное большинство. Считает ли себя сэр Томас Мор умнее всех? Наконец он просто обязан исполнить свой долг подданного, обязан выполнить закон.

— Нет, — отвечает Мор. — Это противоречит моим взглядам. Я не могу и не хочу вступать в сделку со своей совестью.

До сих пор молчавший герцог Суффолк взрывается:

— Вы навлекаете на себя гнев короля. Это может вам стоить жизни.

Мор отвечает ему то же, что уже однажды сказал герцогу Норфолку, когда тот, узнав, что Мор хочет сложить с себя полномочия канцлера, уговаривал его смириться перед королем:

— Вполне возможно, ваша светлость. Но какая, собственно, разница, если я умру немного раньше вас.

14

Кранмер своей архиепископской властью решает: Томас Мор, очевидно, еще не вполне подготовлен к принятию клятвы. Пусть он еще подумает. В тиши аббатства Вестминстер.

И пытается, к своей чести, уговорить короля, чтобы Мору в виде исключения разрешили принести ту клятву, на которую он

согласен.

Король выслушивает его. Отпустить Мора, когда упрямец из Челси теперь у него в руках? Отпустить человека, не подчиняющегося теперь не просто ему, Генриху, а закону? За простака, что ли, считает его Кранмер?

Четыре дня спустя Мора препровождают в Тауэр. Крестный путь Томаса Мора продолжается.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

в которой автор считает необходимым напомнить слова Герцена: «Талант повиноваться в согласии с нашей совестью — добродетель. Но талант борьбы, который требует, чтобы мы не повиновались против нашей совести, — тоже добродетель»

1

А дальше, дальше все идет так, как и было задумано Генрихом, Анной, Кромвелем. В ноябре 1534 года издается особый акт, так называемый «Акт о верховенстве». Король официально провозглашается «верховным главой английской церкви». Затем последует еще один билль: «Акт о государственной измене». Отрицание какого-либо из королевских титулов объявлено государственной изменой.

Парламент подтверждает: присяга, от которой отказался Мор, законна.

…Пожалованные Мору в свое время королем небольшие имения конфискованы. Семья Мора почти без средств к существованию. Челси, приобретенное Мором на свои деньги, переписано на пускающую пузыри в люльке принцессу Елизавету.

Монархи из Чартерхауза, осмелившиеся протестовать против новых законов, брошены в тюрьму. Епископ Фишер тоже в Тауэре.

Из сравнительно спокойной камеры на первом этаже башни Божан (десять шагов вперед, десять шагов назад, каменный пол, но все же устланный циновками) Мора переводят в Кровавую башню. Сырость, полумрак. Камера, в которой едва можно повернуться. Никаких прогулок. Раньше хоть изредка к нему допускали дочь, жену — не без тайной надежды, что им удастся поколебать решимость Мора. И они действительно пытались его уговорить. Тщетно.

— Моя маленькая Мэг, — говорит Мор дочери, — откажитесь от вашей скверной роли искусительницы. Я уверен в том, что хорошо поступаю.

— Но ведь король этого не стоит… — чуть ли не кричит Мэг.

— Король? — удивленно переспрашивает Мор. — При чем тут король? Речь идет обо мне. Король волен делать, что ему вздумается. Но и я остаюсь при своих принципах.

…Конечно, король сумел лишить Томаса Мора свободы.

Ввергнуть в несчастье и разорить его семью.

Но он не добился главного: покорности. Ему не удается добиться того, чтобы Мор своим авторитетом подкрепил его действия.

Это знает вся Англия. И это не дает покоя Генриху.

2

Сломить Мора, во чтобы то ни стало сломить Мора! В глубинах черной своей души Генрих отдает себе отчет в том, что это ему важнее, нежели просто отправить его на плаху. Тем более теперь, когда уже готовятся законы о разграблении монастырских земель.

Мор бескомпромиссен.

Сын своего века, он немалое значение придавал религии. Но дело вовсе не в том, что он, как и по сию пору утверждает церковь, объявившая его святым, защищал католицизм. Не католицизм защищал он, а права и достоинство человека, его права и обязанность на борьбу со злом и обличение зла.

Он мог пожертвовать многим. Даже жизнью. Он не мог изменить самому себе.

…И пока он еще жив, борьба продолжается.

Из письма Мора дочери Мэг. 1534, ноябрь.

…Твое полное мольбы письмо в немалой степени опечалило меня… Мне не единожды в жизни приходилось получать тяжелые вести, но ни одна из них не затронуло так мое сердце, как твое настойчивое стремление, моя любимая, столь слезно и душераздирающе убедить меня совершить то, что, как я неоднократно и ясно говорил, я не могу сделать из уважения к собственной душе… Речь идет о делах, связанных с моей совестью… Я не могу, Маргарет, вновь углубляться в этот вопрос…. Самое ужасное для меня, более ужасное, чем угроза смерти, является то обстоятельство, что из-за меня пребывают в горе и подвергаются опасности твой муж, мой добрый зять, ты, моя дочь, моя жена и все мои другие дети и невинные друзья.

3

Камера темна и узка, в ней сырой и затхлый воздух. У Мора болит грудь, ломит ноги. Его мучает кашель.

Три шага в одну сторону. Поворот. Три шага обратно. Ходить, нужно ходить.

Иногда дверь открывается: комендант Тауэра. Он видит, как сильно сдал за этот год Мор. Видит изможденное, постаревшее лицо. Борода, которой не было, когда Мора посадили в тюрьму, почти вся седая.

Тщетно обращаются члены семьи Мора к королю и Кромвелю с просьбой освободить Мора. Тщетно доказывают они, что он болен, слаб, стар.

[image]

4

В апреле 1535 года в Тауэр собственной персоной пожаловал Кромвель. С ним несколько членов королевского совета.

— Признаете ли вы законность новых статутов, в частности «Акта о верховенстве»? — в упор спрашивает Кромвель Мора.

Мор уклоняется от прямого ответа.

— Мой ум, — говорит он, — не занимают больше эти вопросы, и мне не хочется входить в обсуждение ни титулов короля, ни титулов папы.

Кромвель осыпает его угрозами. Он кричит, что упорство Мора — дурной пример для других.

Мор пожимает плечами. Он вообще, как известно Кромвелю, ни с кем не общается. И не высказывает никаких мнений. Он просто говорит, что совесть не позволяет ему подписать присягу.

Кромвель уходит ни с чем.

Тем временем следует судебная расправа над очередной группой монахов-картезианцев, выступивших против разрыва с папой. Осужденных на смерть, их проводят под окном камеры Мора.

Считая, что пример достаточно устрашающий, Кромвель вновь приходит в Тауэр.

— Я хочу вас спасти, — говорит он Мору.

Мор молчит. Стена этого молчания неприступна.

Следует новый допрос в присутствии Кранмера, Суффолка, Одли.

От Мора требуют признать, что статуты законны и что его королевское величество — законный глава английской церкви.

— Мне нечего добавить к тому, что я уже говорил, — отвечает Мор.

В письме к дочери Мор сообщает: *«Ничего нового. Насколько я понимаю, единственная цель — заставить меня заговорить так,*

как это хочется им. Кромвель мне заявил, что король недоволен моими ответами и что своим поведением я наношу королевству огромный урон, что я упрям и затаил против него зло…»

Дело идет к развязке. Но суду все же явно не хватает улик.

5

Десятого июня лондонский стряпчий Ричард Рич получает приглашение посетить Кромвеля.

— Давно ли вы на государственной службе? — спрашивает Кромвель. — Как дела с продвижением? А кстати, вы, кажется, знакомы с Томасом Мором?

О, Кромвель хорошо знает, с кем имеет дело: такого второго проходимца не легко найти во всем Лондоне. И потому, не теряя времени, говорит:

— У меня к вам просьба. Зайдите этими днями в Тауэр, к Мору. Пропуск будет готов.

— Что я должен у него делать? — осведомляется Рич.

— А ничего особенного. Поболтайте с ним о том о сем. Законе о верховенстве, в частности.

Ричу не надо ничего объяснять. Ему и так все понятно. Будет исполнено.

Рич все сделает. Они всегда находятся, когда нужно, эти Ричи.

Он приходит к Мору. Рассказывает о казни епископа Фишера, друга Мора, о том, что папа незадолго до казни присвоил Фишеру звание кардинала. О том, что взбешенный Генрих воскликнул: «Коль папа шлет ему кардинальскую шапку, я уж позабочусь о том, чтобы эту шапку не на что было надеть!» Мимоходом заводит речь и о новых законах…

Мор отмалчивается. Единственное, что он позволяет себе ответить, — Фишер был человеком прямым и не скрывал своих симпатий к идее всехристианской церкви.

Рича интересует, в чем суть этой идеи. Но Мор не расположен заниматься богословскими вопросами. Пусть гость его извинит: он себя неважно чувствует, ему хочется прилечь.

При разговоре присутствуют еще двое: они упаковывают книги Мора. Или делают вид, что упаковывают.

Два дня спустя комендант Тауэра сообщает Мору, что скоро его вызовут на суд, в Вестминстерское аббатство.

Арестованный не пойдет пешком через весь город, как обычно. Его, снисходя к тому, что он ослаб, повезут в лодке по Темзе. Это произойдет 1 июля 1535 года.

6

Председательствует в специальном суде, заседающем в зале Вестминстерского аббатства, лорд-канцлер Одли. Справа от него Кранмер. Слева — герцог Суффолк и Ормонд Болейн, теперь граф Уилтшир, отец Анны.

Обвинения? Да все те же: «злонамеренное противодействие второму браку короля» (вот они, железные коготки леди Анны Болейн!), «злонамеренное, предательское и дьявольское» отрицание королевского титула «верховного главы английской церкви» и тем самым противодействие «Акту о верховенстве».

Ничего нового.

7

Мор упорно защищается.

Противодействие, тем более злонамеренное, предполагает какие-то действия со стороны обвиняемого. Таковых не было.

— Я не предпринимал никаких действий. Когда король меня спросил, я просто высказал свое мнение. Считают ли господа судьи, что можно осудить человека только за его мнение? За частное мнение, о котором он больше никому ничего не говорил?

Считают ли господа судьи, что человека можно осудить за молчание? Ибо ни словами, ни поступками он не совершил никакой измены. И кстати, считают ли судьи верным, что один из пунктов обвинения основывается на законе, принятом тогда, когда он, Мор, уже был заключен в Тауэр? Имеет ли закон обратное действие?

И не без иронии добавляет:

— Как вообще я мог отрицать королевский титул? Король может брать себе любой титул, это его дело. Титул «главы английской церкви» утвержден парламентом, значит он законен. Но моя совесть не позволяет мне подтвердить клятвой, что это хорошо.

…Наступают последние минуты свершающейся трагедии. По знаку Кромвеля вводят свидетеля Рича.

— Клянусь говорить правду, только правду.

В разговоре с Мором — обвиняемый не станет отрицать, что они беседовали на разные темы, — когда был затронут вопрос о новых законах, Мор сказал: «Парламент не имел права провозглашать короля главой церкви».

— Это ложь, — говорит Мор. — Это наглая, отъявленная ложь.

Свидетели, находившиеся тогда у него в камере, «упаковщики», мнутся. Они не помнят, они не расслышали…

Рич не удостаивает Мора ответом. Он сделал свое дело. Не спеша идет он через весь огромный зал. Он далеко пойдет, этот провокатор и лжесвидетель. Он еще станет лордом. Он еще будет лорд-канцлером Англии.

Кромвель доволен. Вот оно, столь необходимое «доказательство». Пусть теперь присяжные попробуют признать Мора невиновным. Заранее потирает руки и граф Уилтшир: наконец-то будут сведены счеты с человеком, который не помог его дочери. И ему.

8

Четверть часа длится совещание суда. Всего лишь четверть часа! Затем приговор. Он гласит: «Обвиняемый Томас Мор признан виновным в государственной измене и в злонамеренных предательских нападках на его величество короля. Виновный будет отвезен сэром Вильямом Кингстоном в Тауэр. Оттуда на пятый день после чтения этого приговора он будет проведен через Лондонское Сити в Тиберн. Там повесить его так, чтобы он замучился до полусмерти, а потом снять и, пока он еще будет жив, вырезать ему живот… вырвать и сжечь внутренности. Затем четвертовать. Конечности выставить на всех четырех воротах Сити, а голову — на Лондонском мосту».

Король «милостиво» заменяет эту казнь отсечением головы. «Избави боже моих друзей от состраданья королей и все мое потомство от их милостей», — отвечает Мор.

Но прежде чем его отведут в Тауэр, прежде чем председательствующий объявит заседание закрытым, Томас Мор бросит в лицо своим преследователям:

— Я гибну из-за того, что защищаю свободу совести, из-за того, что не считаю возможным, чтобы в руках одного человека сосредоточивалась мирская и духовная власть. Никто не имеет права принуждать человека действовать вопреки своим убеждениям.

9

Семью днями позже Томаса Мора выводят из Кровавой башни. Он предупрежден, что ему запрещено обратиться к народу с речью, что он должен молчать.

…Позади все: жизнь, думы, последние письма родным. На холме возле Тауэра на скорую руку сколочен помост.

Лестница узка, ступеньки шатки.

— Помогите мне, — говорит Мор Кингстону. — Помогите мне взобраться. Назад я уже вернусь сам.

Жаркое июльское солнце. Чистое голубое небо — не так уж часто оно бывает в Лондоне. Толпа. Тихо и безмолвно стоят люди. Их отделяет от эшафота сплошная цепь вооруженных королевских гвардейцев.

Палач. Он весь в черном. Черная маска скрывает его лицо. Видны лишь глаза.

В эти глаза смотрит Томас Мор.

— Шея моя коротка, — говорит он палачу. — Цельсяхорошо, чтобы не осрамиться.

Обычная молитва.

Мор кладет голову на плаху. Нет, еще не все. Надо высвободить бороду, ведь она-то уж никак не повинна в государственной измене.

Руки разведены в стороны: это значит, он готов.

Удар. Эхом раскатывается стон ужаса присутствующих при казни людей.

…Идея о жизни по законам совести тоже была утопией.

10

Голову Мора выставили на Лондонском мосту. Но недолго находилась она там. Ночью Мэг осторожно сняла ее с острия. Ни один алебардист не посмел остановить женщину.

О происшествии было доложено королю. Он смолчал. Никто не был подвергнут наказанию.

Мертвый Мор был ему не страшен.

Впрочем, Генрих, как всегда, оказался верен себе.

— Это вы его убили, — сказал он Анне Болейн, когда ему доложили, что Мор умер.

Несколько дней спустя муж Мэг Уильям Ропер был заточен в Тауэр. (Именно он впоследствии первый составил жизнеописание Мора.) На долгие годы попал в Тауэр и единственный сын Мора, Джон.

11

Подвергнуть казни можно людей. Идеи казнить нельзя.

«Золотая книга» Мора продолжала жить.

…Семена были брошены. Они еще не скоро взойдут. Еще впереди века бесправия, эксплуатации, лжи, лицемерия. Но в маленькой книжке философа-мечтателя, погибшего на плахе за свои убеждения, — путеводная нить, взрывчатка идеи огромной силы.

Прометеев огонь его мыслей будет подхвачен, он разгорится в душах людей, этот священный огонь правды, и ничто не сможет его загасить, уничтожить.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

в котором рассказывается о людях, мечтавших, так же как и Томас Мор, о государстве справедливости и счастья

Общество без эксплуатации, общество равных. Общество счастливых, обеспеченных, пользующихся всеми благами жизни людей!

Из поколения в поколение владела умами эта дерзкая мечта. Но как осуществить ее, эту мечту? Как сделать жизнь всех людей по-настоящему счастливой и радостной?

Томас Мор в мрачные годы тирании монархов и господства церкви попытался нарисовать идеальное государство свободных от всякой эксплуатации людей. Он был пионером утопического социализма.

История сохранила для нас имена многих мыслителей, которые всю свою жизнь посвятили разработке теорий о переустройстве общества на началах свободы, равенства и братства.

Одним из самых замечательных среди них был итальянец Томмазо Кампанелла. Монах, он отвергал учение церкви. Ему было семнадцать лет, когда он впервые выступил на открытом диспуте. «Критерием истины является не сочинения отцов церкви, а природа, вечно живая природа», — доказывал он. Кампанеллу обвиняют в ереси и предлагают отречься от своих взглядов. Он делает это, но лишь для того, чтобы продолжать борьбу с мракобесием, борьбу за счастье людей.

Кампанелла считал, что порядки современного ему мира несправедливы. Он мечтал о создании такого государства, в котором *«община делает всех одновременно и богатыми и вместе с тем бедными; богатыми — по тому что у них есть все, бедными — потому что у них нет никакой собственности…»*

Во главе такой республики ему хотелось видеть людей умственного труда, интеллигенцию.

Тридцать три года провел великий мыслитель в застенках инквизиции, где его подвергали самым жестоким пыткам. Но и в этих нечеловеческих условиях он продолжает работать.

В 1602 году, в тюрьме, Кампанелла пишет свою главную книгу — «Город Солнца». В этом обессмертившем его имя произведении Кампанелла воплотил свои мечты о грядущем счастье людей.

Книга Кампанеллы напоминает «Утопию» Томаса Мора. Так же, как и у Мора, о Городе Солнца рассказывает читателям возвратившийся из дальних стран путешественник-генуэзец. И государственное устройство Города Солнца напоминает нам «Утопию». Все, что здесь производится, тоже поступает на общественные склады, и каждый житель получает оттуда то, что нужно. Работают в Городе Солнца и мужчины и женщины, а когда это необходимо, то все жители встают на защиту своего города-крепости, расположенного на высоком холме. Особое значение придает Кампанелла изобретениям и научным открытиям, которые делают труд людей радостным и творческим. Жители Города Солнца работают всего лишь четыре часа в день, а в остальное время «развивают умственные и телесные способности».

В Англии в XVII веке произошла буржуазная революция. Во время этой революции получило широкое распространение движение диггеров (копателей), которые выражали интересы беднейших слоев населения и выступали за демократическую республику без частной собственности. *«Не откроют ли наемные рабочие и безработные путь свободе, если они самовольно займут и станут обрабатывать общинные земли?»* Это строки из воззвания диггеров.

Руководитель и идеолог этого движения Джерард Уинстенли в 1652 году выпускает книгу «Закон свободы, изложенный в виде программы, или Восстановление истинной системы правления». Вождь диггеров в своем произведении заявлял, что трудящиеся имеют право на землю и безбедное существование. Он требовал передачи всей земли, захваченной феодалами, народу, объявления земли общей собственностью народа, введения справедливого распределения всех продуктов труда. *«Истинная свобода,* — писал он, — *царит лишь там, где уничтожена собственность отдельных лиц, все принадлежит всем, а человек получает пищу и то, что нужно для его содержания, от общества».*

Жан Мелье был всего-навсего неприметным приходским священником из Шампани. Но одновременно и одним из самых великих людей своего века.

Свои мысли о создании общества свободных и счастливых людей Мелье изложил в «Завещании» — книге, написанной незадолго до смерти. *«…Мои дорогие друзья,* — написал Мелье во вступлении к книге, — *я не мог сказать вам при жизни того, что я думаю, и решил поделиться с вами своими мнениями после смерти».*

Мор боялся народных революций. С той поры прошло два

столетия. Сельский кюре во Франции считает революцию единственно возможным средством ликвидации частной собственности и избавления от насилия власть имущих. В отличие от Мора для Мелье все религии одинаково неприемлемы. Прежде всего потому, что религия и церковь всегда освящают и поддерживают угнетателей.

«Объединяйтесь же, народы! Помогайте друг другу… Все зависит от народа, все держится на нем. Стоит вам захотеть — и тирания падет…» Эти слова Жана Мелье и в наши дни не потеряли своего значения для народов, еще не освободившихся от империалистического гнета.

Наиболее широкое распространение идеи утопического социализма получили в первой половине XIX века. А учения Сен-Симона и Шарля Фурье явились одним из источников социализма научного.

«Золотой век, который слепое предание относило до сих пор к прошлому, находится впереди нас». Эти слова принадлежат Анри Клоду Сен-Симону. Каждый, по его мнению, должен работать по способностям и получать по труду. И труд этот не должен быть ни однообразным, ни длительным, ни принудительным. Главенствующую роль он сохраняет за бедняками.

Другой великий французский социалист-утопист, Шарль Фурье, также мечтал о таком общественном строе, который бы действительно создал «всеобщую гармонию».

Представления Сен-Симона и Фурье о будущем обществе и о путях перехода к нему довольно наивны. Однако историческая заслуга их заключалась в том, что они доказывали необходимость такого общественного порядка, где будет покончено с нищетой, основой которого будет общественная собственность и коллективный труд.

Горячая вера в светлое будущее человечества отличала и английского социалиста-утописта Роберта Оуэна. Для того чтобы это светлое будущее наступило, необходимо, считал Оуэн, прежде всего ликвидировать частную собственность, ибо она «была и есть причина бесчисленных преступлений и бедствий, испытываемых человеком».

Сорок лет своей жизни Роберт Оуэн провел в борьбе за улучшение условий труда и жизни рабочих, выступая сторонником общественного производства и общественного потребления. Более того, он пытался создать земледельческие и промышленные общины, но потерпел неудачу. Однако эти неудачные попытки улучшения жизни трудового народа нисколько не умаляют значения Роберта Оуэна как одного из крупнейших предшественников научного социализма.

И не вина социалистов-утопистов начала XIX века в том, что они не сумели претворить в жизнь свои идеалы. Для этого еще не созрели исторические условия.

Ведь утопический социализм возник, когда классовая борьба была еще недостаточно развита, когда пролетариат как самостоятельный класс еще только зарождался. В силу своей исторической ограниченности социалисты-утописты не смогли подняться до понимания того, что лишь пролетарская революция может стереть с лица земли эксплуататоров.

…Человечество никогда не забудет тех, кто всю свою жизнь посвятил служению великой цели, открыто заявив, что люди на земле должны быть свободными и счастливыми.

Я знал одной лишь думы власть,
Одну — но пламенную страсть…

Эти слова великого русского поэта можно считать девизом всей жизни Томаса Мора, Томмазо Кампанеллы, Жана Мелье, Уинстенли, Сен-Симона, Шарля Фурье, Роберта Оуэна, революционного демократа Чернышевского и многих, многих других, кто в мрачные времена средневековья, в годы крепостного права и в годы капиталистического рабства не боялся поднять голос в защиту угнетенных и обездоленных.

Недаром их имена высечены на обелиске, который в 1920 году по указанию В. И. Ленина был установлен в Москве у кремлевской стены — светлые имена людей, которые проложили дорогу научному коммунизму Маркса, Энгельса, Ленина.

notes

Примечания

1

Остров, о котором рассказывали древние авторы, очевидно, следует отождествить с Цейлоном *(А. В.)*.

2

По древнегреческому преданию, царедворец Дамокл считал сиракузского тирана Дионисия самым счастливым человеком и завидовал ему. Тогда Дионисий во время пира посадил Дамокла на свое место, а над его головой повесил острый меч на конском волосе. Таким необычным образом Дионисий объяснил, что кажущееся благополучие его непрочно.